Гетерал

А.Г.

Несущий свет

عندما أستيقظ، أوقظ العالم كله

Просто будь рядом

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

A. G.
Гетерал

https://litres.ru/74718709
SelfPub; 2026

Аннотация

Это не книга. Это дневник. И в нём нет ни слова обмана.

Всё начинается как история любви. Но любовь здесь — только дверь. За ней — предательство и достоинство, терпение и страшная боль. Местами читать будет тяжело, но это не история о разбитом сердце. Это взгляд света души на этот мир: каков он есть и что ему остаётся.

Призываю только к одному: дочитайте до конца. И вы воистину будете удивлены.

Содержание

Глава первая: В себе 6
01 Начало 6
02 Талант 12
03 Белая корова 16
04 Ракушка 22
05 Наполовину 31
06 Разрешение женщины 38
07 Метод 43
Глава вторая: Она вошла 48
01 Бытие 48
02 Третье января 50
03 Ясность 52
04 Восторг 56
05 Небесный договор 59
06 Интеллектуальная развратница 63
07 Без крыла 67
08 Он это он 69
09 Времени мало 71
10 Суздаль 73
11 Дорога 78
12 Полёт 81
Глава третья: Первое предательство 85
01 Клуб Патриот 85

02 Молния 91
03 Пауза 96
04 Яблоки 101
05 Покаяние 105
06 Закрытый источник сути 110
Глава четвёртая: Облик тумана 113
01 Под ликом Божьим 113
02 После храма 119
03 Семейный ужин 122
04 Первые уколы 125
05 Поклонник 131
06 Улыбка невежества 136
07 Недруг 140
08 Протеже 143
09 А ты библию пиши 147
Конец ознакомительного фрагмента. 149

A. G.
Гетерал

Гетерал
А.Г.
Несущий свет
ه ل ك م ا ل ع ا ل ظ ق و أ ، ظ ق ي ت س أ ا م د ن ع
Просто будь рядом

«Однажды, ткнув пальцем в небо, не удивляйтесь пронизывающему насквозь, обращённому на вас взору небес».

Это не книга. Это дневник. И в нём нет ни слова обмана.

Всё, что здесь описано, происходило в действительности. Хотя многое может вас удивить. И обязательно удивит.

Есть неточности. Наверняка. Так уж устроена человеческая память. Однако сути написанного это не меняет.

Глава первая: В себе

01 Начало

Быстро и легко принимать решения — очень на меня похоже. И вот вся семья стоит в шоке: человек, который нигде никогда не был, вдруг собирается — и не куда-нибудь, а в Индию, на другой конец мира, с билетом в один конец. Был, правда, и второй, в Шри-Ланку, но это так, подтверждение намерения выезда для визы. Эта поездка перевернула мне жизнь. Не событиями — хотя их было с лихвой, — а тем, что внутри. Там я впервые позволил себе быть таким, какой я есть.

А занесло меня туда так. Впервые в жизни у меня начало получаться со своей занятостью в IT — капало понемногу, нестабильно, несерьёзно, но мне хватило, чтобы почувствовать: можно. Дома, с родителями и сестрой, я оставил два компьютера, на которых когда-то давно играл, а теперь заставил тихо работать на себя, настроил к ним удалённый доступ — и исчез. Денег те приносили немного и без всяких гарантий, но сами, с моим минимальным участием. А мне большего и не надо было. Я не сбегал. Дом был хорошим, и люди в нём тоже. Я ехал не от чего-то, а за чем-то. За Жизнью — той, что в самом воздухе, которым знаю, что умею

дышать.

Так вышло, что моя жизнь будто лоскутами сшита из совпадений — тех, что кто-то называет судьбой, но не я. И вот одно из них идёт мне навстречу — старая знакомая, которую я не видел годами. Оказалось, она тоже летит в Азию. Только не в Таиланд, как собирался я, а в Индию, в Ришикеш — на север, где Ганг ещё кристально прозрачен и до дрожи холоден. «Так поехали вместе», — предложил я. Она направлялась к каким-то малознакомым людям, а мне не важно куда. «А, поехали».

И вот мы перематываем события, происходящие в Ришикеше, мои весьма своеобразные взаимоотношения с Катей, и перемещаемся чуть вперёд. Я в одиночестве ползаю по пляжу Южного Гоа по коралловым насыпям, где куча небольших крабов, которых усердно пытаюсь поймать. Я всё же смог. Он у меня в руках. Это было непросто. Все ноги в ссадинах от острых ракушек на насыпи, руки тоже, но я счастлив. Звонит телефон: «Привет, собирайся, и завтра ты должен быть на Северном Гоа». Это был один из моих новых знакомых. Который, к слову, тоже решил сбежать от Кати. «И что там, на Северном Гоа ?» — «Мы едем сниматься в Болливуде. Завтра с утра уходят наши два автобуса. Поедем в какой-то городок близ Ченнаи». Это 20-миллионный город в Индии, находящийся на востоке страны. И вот я уже в кафешке, пытаюсь выяснить у местного официанта, как мне добраться до Северного Гоа. Оказалось, дорога не так про-

ста, и нужно сменить аж 4 автобуса. Быстро собрал вещи, попросил пересчитать аренду бунгало, которое снято на месяц вперёд, без надежды на понимание, но всё же люди пошли навстречу. И я им за это очень благодарен. Добра им. Ранним утром я должен отправиться. И вот я уже покупаю билет на первый автобус. Это, конечно же, то ещё приключение — ездить на локальных рейсах, которые не для туристов, но то, что было дальше, куда более незабываемо.

Последний автобус. Три предыдущих прошли в полном соответствии со спецификой Индии, которую наверняка видел каждый на экране. Куча людей, кто-то едет, зацепившись сзади, кто-то чудом держится за впереди стоящего, дабы не вывалиться из открытых дверей. Изрядно помятый, но всё же довольный, я беру билет до Арамболя на последнем автовокзале. Со мной уже в который раз связывается друг и подгоняет, говоря, что нужно успеть. По времени укладываюсь. Последний рубеж должен преодолеть менее чем за час пути. Уже понимая, как многое работает в Индии, подхожу к водителю автобуса, показываю билет и уточняю, он ли это. Спокойно сажусь в автобус, который уже не такой, как предыдущие, наполнен лишь на треть. Итак, в путь. До места минут 40, сообщаю другу. По мере остановок люди убавляются. В какой-то момент я остаюсь один. Подхожу к водителю, спрашиваю, всё ли хорошо и доеду ли я до Арамболя. «Да, сэр, конечно…» А через минут 5 мы сворачиваем в джунгли. И чтобы вы понимали — это не метафора. В прямом смысле

джунгли, где мы едем по очень узкой дорожке, раздвигая габаритами автобуса все заросли деревьев. Внутри что-то ёкнуло, но меня же уверили, что всё в порядке, значит, так и надо. Позвонил другу, рассказал о неожиданном повороте. На что он ответил, что так быть не должно: там прямая дорога, и я через минут 10 уже должен быть у него. И более того, я просто обязан быть через 10 минут там, так как одного меня уже ждут два автобуса незнакомых мне ребят. И тут мы выезжаем из густых зарослей на вырубку, где стоит одинокое здание, а рядом толпа, похожая на одну коричневую массу. Как подъехали и остановились, стало понятно — это местная школа. Автобус приехал за школьниками. Да, да, это оказались девочки. На них была коричневая форма: светлая рубашка, коричневый джемпер и такая же коричневая юбка. И чтобы вы понимали, они учатся раздельно от мальчиков. Первая, кто вошёл, увидела меня — а я белый человек (ох, как это непривычно звучит, но тут именно такое восприятие у местных), к которым весьма неординарное отношение в местах, удалённых от цивилизации, — и нервно засмеялась. Водитель тут же накричал на хинди, и девчонки в одинаковой форме начали аккуратно и молча входить. Было тихо. Все расселись так, чтобы вокруг меня было максимально много расстояния до них. Но места хватало. Я смотрел на них, улыбался, а они невероятно смущались, смотрели с любопытством, как на неведомую зверушку. И вот ещё одна остановка. Всё повторилось вновь. Однако теперь рас-

стояние до меня сокращалось. Все посмеивались, переговаривались. Кого ловил взглядом, тот тут же, смущаясь, отворачивался. Я, конечно, тоже не хотел их смущать и смотрел в окно. И вот… ситуация повторилась. Это уже третья женская школа. Кто-то уже сел рядом со мной. Вариантов нет. Как понял, это было незабываемое для них впечатление. А та, кто сидела рядом, ловила на себе восторженные взгляды. Правда, так и было. И тут я понимаю, что мне уже звонят в пятый раз с одним и тем же вопросом: «Ты где???» А я рассказываю им про джунгли и девочек. На линии ржут, но не верят. Говорят, что в Арамболь есть только она, единственная дорога. И как оказалось, они были совершенно правы…

Понимая, что добраться до водителя и задать вопрос я уже не в состоянии, пытаюсь задавать вопрос на английском моим неожиданным спутницам. Они хихикают, но не отвечают. Одна смелая девочка, после моих трёх-четырёх попыток объяснить, что мне в Арамболь, делает движение рукой и такой вид лица, что я понимаю — я не в Арамболь. Я в жопе джунглей.

И вот последняя, четвёртая школа. Автобус забит настолько, что девочки сидят друг у друга на коленях, а их подпирают другие так, что обе сидящие рядом уже прижали меня к окну. Ну что ж, вот это приключение, подумал я. Хоть фильм снимай. И ещё тогда я понял, что эта история найдёт своего слушателя. И знаете, нашла. Мы выезжаем из зарослей на асфальтированную дорогу, автобус едет ещё минут

4 и останавливается. Все девочки выходят, а мне велено сидеть. Но чуть только мы поехали, заехали за угол, и говорит: выходи. И тут я вижу два автобуса, и все стоят ко мне спиной, смотря в другую сторону. Я подхожу, окликаю их, а мне: «Ты это как тут оказался ?» — «Ну вот, на автобусе приехал». — «Так не было никакого автобуса. Тут дорога одна, и вот она. А приехал с другой стороны. С той, с которой вообще нет пути». Это, к слову, на всё последующее пребывание в Арамболе сломало мне топографическую карту в голове. Когда я садился в новый, уже свой автобус, моя история, да и я сам были восприняты так, как того и заслуживает рассказ, который я поведал своим новым друзьям.

02 Талант

А теперь — Катя. Я просто не могу не рассказать, какая она.

Мы познакомились при достаточно специфических обстоятельствах. Некоторое время близко общались, и в ней я познал такой тип людей, которые, появляясь в какой бы то ни было компании, оставляют в должниках каждого, кто узнал их 5 минут назад. И нет, не подумайте, она не просила денег в долг. Тут другое. Представьте: миниатюрная, с кудряшками на голове девочка, с радушной улыбкой на лице — и неминуемо спускающийся взгляд мужчин хотя бы на 10 сантиметров ниже… Но не глазеть, нельзя глазеть! Чёрт, я не сдержался и посмотрел внаглую. Да, там он самый — третий размер. И так реагируют почти все мужчины на её нелёгком пути. И тут дело не в том, что грудь есть, а в той невероятной эстетике, которую создаёт общий образ. Всё по отдельности — это никогда не имеет значения. В женщине важна цельность восприятия. А изюминкой его становится даже не ярко выраженный бюст, а непосредственность, которую Катя излучает при его наличии, не придавая ему никакой ценности. И это то, что я видел в ней — естество. Она вызывает искреннюю улыбку и желание помочь. И вот именно тут заключается всё коварство. Та непосредственность и лёгкость, с которой Катя общается с совершенно любым — знакомым или не

очень — человеком, не важно даже, мужчина это или женщина, заставляет собеседника ощущать себя просто обязанным помочь с какой-то необходимой мелочью, которая так естественно выяснилась при разговоре. Кто-то в следующий раз принесёт ей охлаждающую подставку для ноутбука, кто-то вышлет готовый эскиз под её очень-очень простую идею, ну а кто-то просто не имеет права отказать себе в удовольствии подарить ей ту самую книгу, о которой говорили. В общем, Катя — творческий человек. Графический дизайнер и художник. И картины, кстати, у неё есть замечательные. Как-то к ней домой даже приехало немецкое телевидение, и она показывала, как творит на холсте своей уже, казалось бы, готовой картины, добавляя поверх масляных красок слой за слоем блестящую пудру разных оттенков и стразы там, где создавала тень… Ну а я там в кадре мебелью притворялся. В общем, знакомьтесь — Катя.

Пожалуй, здесь же стоит рассказать о том, как я сам в первый же день знакомства оказался Кате уже должен. Это было празднование Нового года. Мы с Артуром, моим лучшим другом на тот момент, решили отпраздновать его очень необычно. Мы поехали в какой-то коттедж, в совершенно неизвестную тусовку, на которую заранее продавали билеты. Количество ограничивалось 30 людьми. Артур сказал, что там будут две его подруги. И оказалось, одна из них — Катя. Мы с ней очень быстро сошлись. Можно сказать, этот вечер я по большей части провёл с ней. Я был ею очарован, без-

условно. А в её глазах был абсолютно неподдельный взаимный интерес. Было ясно, что наше дальнейшее знакомство будет значительно более интересным. Поэтому спешить было некуда — мы просто наслаждались вечером и приближающимся Новым годом.

Она рассказывает, что у неё с собой целый набор картин. Вот прям так — набор картин. Она решила взять с собой свои картины, которые хотела расставить по дому, чтобы его как-то украсить. А заодно провести аукцион. И как вы думаете — конечно же, она нашла того, кто его ей проведёт. От подобной роли я отмахиваться не стал, так как мне это было прям самому интересно. Мы собрали всех людей со всего коттеджного комплекса, удобно рассадили; организаторы тоже помогли расставить места, на которых все удобно расположились и предвкушали какое-то действо. Публика была достаточно спокойной, интересной, воспитанной. Мне там действительно нравилось. Это был первый опыт подобного времяпрепровождения, учитывая, что в клубы я откровенно не любил ходить, а тут определённая камерная атмосфера, где каждый из людей уже становился каким-то своим, потому что их было не так много. И за несколько часов все уже примелькались.

«Здравствуйте, начинаем аукцион». Я представил Катю как замечательную художницу — заранее узнал, какими стилями она рисует, что вообще делает, ну и по ходу, конечно же, ещё украсил все её выдающиеся таланты, которые, без-

условно, не могли ускользнуть от взгляда любого мужчины. Речь, конечно же, о картинах. Позади нас очень органично, в красивых рамах и багетах, красовались действительно очень талантливые работы. То, как она рисовала, меня просто поразило. Это были не просто картины — они сияли большим количеством дополнительных эффектов, как блёстки, стразы, и всё это именно что изысканно, а не пошло и просто блестит. В этом действительно был особый взгляд. И мне было крайне приятно представлять её искусство. Оно выглядело достойно. И знаете что — я даже продал одну картину. Катя была счастлива. Знакомство предвещало что-то действительно интригующее.

С собой в наше совместное и одновременно с этим раздельное путешествие в Индию Катя решила взять два ноутбука. 17 и 15 дюймов. И это не макбуки, если что, а цельнокирпичные изваяния. Подставку под 17-дюймовый ноут она тоже взяла. Он греется. Ох, как же незабываемо мы добирались до Ришикеша.

03 Белая корова

Ришикеш — это город в предгорье Гималаев, на высоте примерно 370 метров над уровнем моря. В отличие от прибрежных зон, там весьма прохладно. Днём можно смело выйти в футболке, но если к закату у тебя не окажется под рукой пледа, то поход до ашрама, где мы остановились, обернётся только одним — очередным пледом в коллекции. Местные это давно уловили, и пледы продаются почти везде. В ашраме, помимо не очень знакомых Кате друзей, с которыми она когда-то познакомилась на медитации, были и другие — с некоторыми из них я был бы рад общаться и по сей день. Один из них — Юра, русский американец. Человек, который страстно любит и понимает медитацию. Занимается ею с рвением и такой душевной отдачей, что это поистине его выбор пути своего развития. Замечательный человек. Судьба сводила нас дважды. После этого путешествия в Индию я возвращался туда через год, с другой спутницей, и, когда мы остановились в Южном Гоа, он неожиданно вышел из прибрежного бунгало, мимо которого мы прогуливались, узнав мой голос. И вот из таких ситуаций складывается вся моя удивительная жизнь. Это правда.

Юра — некогда уехавший по воле родителей из России в США паренёк, в возрасте 12 лет, был очень толстым. Без обид, я говорю его словами. Я же его увидел совершенно

иным. На момент нашей встречи он был стройнее конькобежца, а на лице была не та грусть, о которой он рассказывал, упоминая своё детство, а прекрасная, пронизывающая до души улыбка. Он просто стал собой. Таким, какой он есть внутри. И в этом великая сила.

Живёт Юра полугодиями. Работает в фирме отца полгода, а на вторые полгода уезжает в путешествие. Американское гражданство позволяет на длительное время оформлять визы в разные страны. Мне посчастливилось с ним познакомиться, и он, сам того не ведая, принял участие в одном весьма значимом моменте.

Наша компания из девочек и мальчиков выдвинулась из ашрама в сторону местного рынка. Обычно мы разбредались кто куда. В этот раз наши с Юрой планы оказались схожи. Мы часто заходили в кафешку Beatles. Заказывали там сизлер. Это раскалённая чугунная сковорода размером с поднос, на которой ещё долгое время шкварчат поджаренные продукты исключительно вегетарианского толка. Надо отметить, что сам Ришикеш практически полностью вегетарианский городок. И этот факт дал мне понимание, что мне совершенно не важно, есть ли в моём рационе мясо или нет. Лучше чувствовать себя от вегетарианской пищи я не стал, но то, что она вкуснее, могу сказать совершенно точно. И, кстати, толщина меню у многих кафешек может быть сопоставима с одним из томов «Войны и мира». Выбор вегетарианских блюд всегда вызывал у меня удивление. Всего пару

раз за всё время, проведённое в Ришикеше, я завтракал тем, что уже пробовал.

Сам рынок совершенно небольшой, но протяжённый. Вдоль реки Ганги, священной реки. Ниже по течению Ганги находится другое поселение — Варанаси. Место, которое завораживает и одновременно может испугать. Кто-то называет его городом смерти. Я же вижу в нём границу между возможностью распознать ступень — и обычным местом ритуального центра. Многие туда не поедут ни при каких условиях. Я же слишком поздно узнал о существовании этого места. Мне стоит там побывать, я знаю. Но там, где мы в Ришикеше, вода Ганги совершенно чистейшая, прозрачная. Она берёт своё начало чуть выше, в Гималаях. Я её пил, вроде жив. Советую.

Мы уверенно шли вдоль рынка. Ярко светило солнце. Было тепло. Наступала весна. И прям посреди узких проходов, между лавок, шла белая корова. И если понимать, что в Индии корова — это свободное животное, являющееся священным, то белая корова — это поистине почитаемое существо. И как ни крути, я уже видел, как индусы относятся к коровам — не обижают их, но отгоняют как надоедливых. Аккуратно, но с пониманием своих традиций и того, что это просто корова. Тут же было совершенно иначе. Такого я ещё не встречал. Люди кланялись ей, очень аккуратно гладили, стараясь не побеспокоить. Но было ещё одно — самосознание. У этой белой коровы было совершенное осознание сво-

его величия. Я ни капли не преувеличиваю. Это просто удивительно, когда животное ведёт себя совершенно не как животное, а как властитель среди своей паствы. И я прекрасно осознаю, что она с рождения могла получать подобное отношение, но какое животное, к которому относятся с почтением, будет столь осмысленно показывать себя именно той, за кого её принимают люди ? Для них она божество. И она это явно чётко осознаёт.

Мы остановились, наблюдая за этим действом. Корова шла и не обращала внимания ни на кого. Она позволяла всем рядом с собой находиться, отмахиваясь хвостом от тех, кто пытался до неё дотронуться. Мы сдвинулись вбок, чтобы она могла пройти. Я видел, как она смотрит на людей. И это был не взгляд коровы. Проходя мимо нас, она неожиданно остановилась. Ровно правым глазом около меня. Мы смотрели друг другу в глаза. Точнее, она — в мои, а я — в её правый. И ей-богу, я могу совершенно точно вам сказать: это была не корова. Это полностью осмысленное существо, вероятно, для которого мы — не очень осмысленные. Пристально смотря мне в глаза, через 5 секунд она совершенно обыденно для неё пошла дальше. А вот индусы кинули на меня завистливые взгляды. Кто-то из девочек сказал: «Приглянулся ты ей». И мы потопали по своим беззаботным делам.

Проходя одну лавку за другой, я останавливался зачастую у тех, где есть произведения искусства — вазы, картины, резьба по дереву, иногда украшения. Но интересовали меня

украшения только простого вида. Кожаный ремешок на запястье, камень из Ганги совершенно потрясающего мятного цвета, купив который я в итоге повесил себе на шею. И среди нашего небольшого сообщества прозвучало предложение зайти в башню к одному магу. Он себя так не называл, но его так охарактеризовал кто-то из наших ребят, парой фраз описав его как прозорливого человека. И вот тут стоит сделать очень важную сноску о том, что Индия просто полна мошенников духовного толка. Ввиду уже фактического нахождения в Индии, я посещал мероприятия разных гуру. И мой совершенно чёткий вердикт — лишь единицы заняты подобной деятельностью по велению души своей и занимают именно Своё место, садясь перед аудиторией и начиная вещать. Многие из них обыкновенные болтуны, при взгляде в глаза которым всё становится примерно очевидно — кто они есть. Как минимум ощущается то, с чем они приходят к людям. То, что у них внутри в тот момент. И это даёт гораздо больше информации, чем вся их полуторачасовая лекция.

И вот мы поднимаемся на второй этаж одного из глиняных жилищ, где на первом этаже идёт торговля, а чуть выше, можно сказать, на крыше, минуя второй жилой этаж, находится приёмная под открытым небом — у того, кто взял на себя ответственность говорить людям неведомое.

Нас предупредили, что у каждого должен быть один вопрос. Только один. По очереди мы подходили. А звёзды на небе были видны настолько хорошо — прям как на картинке

с Млечным Путём. Не настолько ярко и красочно, конечно, но уж точно более запоминающееся, чем виданное мной до этого. Все спрашивали о своём. В большинстве о материальном, об учёбе, кем стать, что ждёт. Подошла и моя очередь. Я попросил Юру озвучить мой простой вопрос: «Ждёт ли меня что-то по-настоящему великое ?» Мастер-маг-прорицатель задумался, и только я ожидал услышать что-то глубокомысленное — Юра говорит: «Он не понял». Я повторил. Слово в слово, добавить мне было нечего. Вопрос вполне конкретный. Маг снова обратился к Юре после его перевода и попыток Юры объяснить: «Он опять не понимает, что ты хочешь». Я честно не знаю, отчего задал именно этот вопрос. Однако задал именно его, и факт его выбора стал для меня константой. И вновь я Юре чётко произнёс свой вопрос без изменений. Юра уже третий раз попытался объяснить ему, что я хочу. И по эмоциям, глазам, движению рук я понял, что его ответ был лишь простым и, как мне показалось, пустым от непонимания предложением: «Up to you». Перевод мне не требовался — «Зависит от тебя».

Обратный путь лежал вдоль рынка. Я пополнил коллекцию новым пледом, точно зная, что он мне пригодится.

04 Ракушка

Путешествуя по Азии, я постоянно встречал много разных и интересных людей. При этом чаще всего я был один, и со временем мне стало в этом поистине комфортно.

До поездки я почему-то считал, что мне может быть сложно существовать с пониманием, что я один. В России я всегда ощущал себя одиночкой в своих мыслях, в своих размышлениях, и одиночество для меня всегда было приятным времяпрепровождением. Но относительно путешествия по Азии я всё же испытывал небольшое волнение. Другая культура, другие люди, незнание того, как всё может произойти. Хотя предыдущий опыт с Индией уже показывал мне гораздо большие возможности, чем я мог себе представить.

Та же самая Индия дала мне понимание целой цивилизации не через книги, не через музеи, не через историю страны, а просто через людей. Через их внутреннее мироощущение, которое для меня было настолько понятным и естественным, и в то же время настолько отличным от того, что я привык ощущать в России.

Наверное, это связано с тем, что в России ощущение, исходящее от людей, было достаточно привычным. Оно было в том числе и моим, потому что наш культурный код, безусловно, был идентичен. Плюс-минус, конечно же. А другая страна — это другое ощущение. И, как бы странно и пресло-

вуто это ни звучало, другая энергия.

И это не просто слова. Именно другая энергия, исходящая будто от каких-то гигантских внутренних пластов, находящихся под толщей земли. Совершенно иная энергия, которая витает в воздухе и ощущается. Я ощущал связь между тем, какие люди находятся в этом пространстве, и тем, какая энергия их окружает. И это не какая-то эзотерика. Это абсолютно реальное, настоящее ощущение, которое я мог буквально воспринимать. И знаете, та энергия мне очень нравилась. Она была очень живая. Другого слова даже не найти. Живая.

Она постоянно будто находилась в движении. И это, кстати говоря, очень ярко было заметно по людям, потому что они всегда двигались, даже будучи спокойными, всегда находились в своём потоке. В них не было какого-то пассивного участия. Это поистине описывало другое цивилизационное состояние людей.

Мне было очень много о чём подумать и ещё больше того, что можно было ощущать, изучать именно так, как я умею: раскладывая по слоям, полностью вглядываясь в то, что неосязаемо, но что можно словно пощупать — только не руками, а совершенно другим пониманием. Это можно описать как видеть, но не зрением; щупать, но не руками; вглядываться вглубь.

И мне это очень нравилось, потому что в России я всегда жил этим как своим естеством. А Индия стала для меня со-

вершенно новым экземпляром для изучения. В том числе я осваивал свои же собственные навыки — то, что для меня было как вода для рыбы, как воздух для человека. Я просто ещё больше становился собой.

В общении я, безусловно, раскрылся. То, что меня в России всегда сдерживало и будто камнем тяготило, какая-то внешняя атмосфера, — забегая вперёд, могу сказать, что во многом я выдумал это себе сам. Просто жил, привыкнув к ощущению, что все смотрят на якобы финансовое благополучие. Именно якобы.

Хотя в действительности я уже точно знаю, что всё совершенно не так. Но на тот момент я вырвался из этого ощущения, именно из своего внутреннего ощущения, и почувствовал, что может быть иначе. Что каждый вокруг может быть воспринят по-настоящему легко, как равный себе. То есть то, что я всегда проецировал, даже находясь в России, я начал гораздо проще реализовывать уже в новых условиях. Просто потому, что там, по сути своей, все находятся в равных условиях. Стало проще.

Если я находился в каком-то новом для себя сообществе, то по большей части это были русские люди. Потому что это мои люди. Это тот код, который мне комфортно воспринимать. Но в Азии этот код ощущался в совершенно другом ракурсе, когда люди изначально открыты. И, опять повторюсь, в России они тоже открыты, но моя ракушка, именно моя собственная ракушка, просто начала раскрываться.

Причём такими колоссальными темпами, что я видел абсолютное раскрытие себя. Я начал цвести изнутри. Просто проявлялся тем, какой я есть, и моментально видел реакцию людей. Люди всегда были будто заинтересованы. Смотрели на меня не просто с интересом, а с любопытством. Так же как и раньше, но с меньшим лагом в реакции.

И если раньше я отличался для людей тем, что доносил до них какие-то очень простые и правильные вещи, то теперь это стало куда более органично. Могу с точностью сказать, что сам по себе я не менялся. Я оставался абсолютно тем же самым. Просто позволил себе открыться этому миру и стать тем, кто я есть, для тех, кто смотрел на меня.

Путешествуя из страны в страну, по большей части один, я иногда встречал компании ребят, которые действительно становились мне по душе. И с ними я уже начинал передвигаться в общем тандеме. Примером стала замечательная компания, с которой я познакомился в Таиланде, на острове Самуи. И с ними же потом посещал Индонезию, Бали.

Кстати, именно в Азии первым транспортным средством, которое я научился водить, стал мотоцикл. У меня тогда даже никаких прав не было. Не считая тех прав, которые уже позже я получил на Самуи в официальном ГИБДД острова Самуи. Права были настоящие. Кстати говоря, это не редкость. Многие так делают. Их потом можно даже переоформить в полноценные, но для этого нужна особая виза, которая говорит о том, что ты здесь надолго.

Помню, когда я сдавал экзамен на эти права, произошла замечательная история. Мы едем по площадке, экзамен сдаёт порядка восьми человек. Все тайцы, и я один фаранг. Впереди меня едет девочка, потом я, и все остальные за мной. И вот эта девочка поворачивает налево там, где на самом деле нельзя было поворачивать. Я, конечно же, думаю, что она всё знает, и поворачиваю за ней. А за мной — все остальные. И все, конечно же, не сдали. Все до одного. Тогда я понял, слава богу, что впереди меня ехала тайка. Иначе после того экзамена я явно уезжал бы побитый.

Ещё забавно то, что для того, чтобы попасть в это учреждение, которое находится в глубине острова, нужно на своём байке до него доехать. Вот так устроена жизнь в Таиланде. Хочешь права — научись доезжать до места обучения и места их официального вручения.

Мне поистине повезло в этих путешествиях с общением с совершенно разными людьми из разных стран. Зачастую языком общения был английский. Довелось мне пообщаться и с людьми из Америки, Англии, Нидерландов, Австралии. Всего, конечно, не перечислить. И везде, всегда были очень яркие особенности черт тех или иных культурных составляющих, образующих всего человека, который их представляет.

И знаете, что для меня было очень интересным открытием, причём фундаментальным ? Если в Индии и в других странах местное население отличалось своей определённой

идентичностью, то у многих людей англоязычного западного мира я ощущал совсем другое. Не отсутствие культуры, нет. Это было бы слишком грубо и, пожалуй, неверно. Культура у них, безусловно, есть. Но она ощущалась не как нечто цельное, наполненное изнутри, а как набор внешних форм, привычек, правил, социальных жестов и уверенности в собственной правильности.

Они как сборная солянка. Вроде бы они одеты, у них всё есть, всё красивое, всё правильное, всё сверкает, и снаружи всё будто прекрасно. А внутри — странная пустота. Не у каждого человека, конечно. Человек всегда остаётся человеком, и исключения встречались. Но сам общий контур, который я чувствовал в представителях этой цивилизационной среды, был именно таким: много формы и мало внутренней наполненности. Вот как так ? Мне это было искренне непонятно. Позже я вернусь к этому намного глубже. Тогда же для меня это было просто частью моего способа смотреть на людей: я видел не форму, а суть. Так было всегда.

Как я уже упоминал, я жил на то, что приносили мне мои домашние серверы, стоящие в России. Немного, но мне хватало. Более того, подавляющую часть этих доходов я тратил на свои мини-проекты. Делал сайты, искал людей, которые были в состоянии реализовать для меня ту или иную задачу.

Благо в Азии было большое количество разработчиков, которые также, как это раньше принято было называть, занимались дауншифтингом. То есть жили там, потому что это

было не дороже, чем в России. Конечно, спустя определённое время это понятие уже немного умерло, потому что даже в те времена я прекрасно почувствовал, что жизнь стала дороже.

Но всё же эти знакомства с разработчиками давали мне возможность напрямую контактировать с теми, кто выполнял для меня разные задачи: создать сайт, написать скрипт, настроить сервер, если мне нужен был удалённый VPS под определённые задачи. Всё это я находил на месте. К счастью, сообщество подразумевало такие возможности. В Индии этого было значительно меньше, но тогда я к этому ещё особо и не пришёл. А вот начиная с Таиланда и Индонезии я уже начал реализовывать небольшие проекты. Я всегда был наполнен идеями и смыслами. Поэтому на тот момент я просто нашёл возможность реализации идей. Ну а смыслы — смыслы всегда оставались фундаментом. Тем, чем являлся я сам, и тем, чем, как мне кажется, наполнял мир вокруг себя.

Сама по себе политика становилась для меня фактором интереса. Мой тип мышления всегда был заточен не на решение каких-либо точечных вопросов, а на глобальное восприятие того, что есть, на понимание ментальности, общества в целом и цивилизаций как культурного кода. Я этим жил, вдохновлялся и дышал. А вот развлечений я даже не искал. Более того, я не умею веселиться, как принято это считать. Умею радоваться моменту, но не это вот «Юхууу!», с высоко поднятыми руками и пуститься в пляс. Такое мне

чуждо. В этом больше попытки казаться, чем быть.

Никогда не был подвержен обобщённому (стадному) инстинкту. Мне всегда были непонятны эти вибрации, играющие в воздухе, которые заставляют людей соответствовать друг другу. Будто попадаешь в навязанную коллективную настройку, и все начинают её копировать — смеяться или, наоборот, агрессировать, изображать настроение, которое словно уже задано самой обстановкой.

Именно поэтому клубы, шумные вечеринки и подобные мероприятия всегда были совершенно не моим местом. Я мог радоваться, смеяться, быть лёгким, живым, включённым, но не тогда, когда сама среда будто заранее требует от тебя определённой формы поведения. Хотя развлечения были, конечно, куда без них.

По сути, просто смотря на мир и людей, я просто обучался. Тому, что во мне уже было. Проявлялось понимание мира через саму его структуру. И работало оно не через «думать».

И если говорить совсем точно, то в тот период я не становился другим. Просто познавал новый мир так, как умел это делать всегда. Смотрел в людей, вглядывался в цивилизации, проверял собственное ощущение жизни, и всё больше понимал, что мне совершенно не нужен ни успех, ни отношения ради отношений, ни движение ради движения. Во всём должно было быть что-то важное для меня, иначе оно проходило мимо. Ответом было простое — «Я есть. Я тут, сейчас. А мир во мне».

И всё это дополняло ещё одно понимание — есть одна область, в которой человек особенно быстро являет себя. Свою честность, переживания, силу или слабость, своё отношение к другому. Это про Мужчину и Женщину.

05 Наполовину

Если Индия и все путешествия по Азии стали для меня возможностью быть собой или даже открыть себя миру, то существовал во мне и тот пласт, который всегда оставался целостным, основополагающим в моём мировоззрении, без требования какого-либо пояснения для себя самого. Это отношение к женщине. Именно поэтому я большую часть жизни совершенно спокойно относился к тому, что буду один. Без трагедии и без ощущения, что жизнь обошла меня стороной. Мне было хорошо одному.

Я вообще не воспринимал одиночество как проблему, которую необходимо срочно решить. Одиночество для меня никогда не было пустотой. Оно было пространством. Моим личным пространством, в котором я думал, чувствовал, смотрел на мир, вглядывался в людей, понимал себя и просто жил. Реализовывался в самом себе.

И, наверное, это важный нюанс. Я не был человеком, который страдал от отсутствия женщины рядом. Я не ходил по миру в поиске той, кто наконец заполнит какую-то дыру внутри меня. Её просто не было. Мне не нужна была женщина как спасение от одиночества, как доказательство моей мужской состоятельности, как бытовое завершение жизненной программы или как тот самый человек, без которого якобы всё неполноценно. Мне было полноценно.

Именно поэтому я мог быть один с лёгкостью. С улыбкой даже. Я не делал из этого драму. У людей почему-то есть привычка воспринимать одиночество как неудачу. Как будто если человек один, значит, он не нашёл, не смог, не сумел, не состоялся. А разве со мной что-то не так ? Иногда человек один не потому, что он не смог быть с кем-то. А потому что он слишком хорошо понимает, с кем быть не должен. Вот это гораздо ближе ко мне.

Женщины мне нравились. Очень. Женская суть, женская чуткость, женская красота, женская способность быть мягкой и в то же время невероятно сильной — всё это мне всегда было близко и понятно. Я никогда не был отстранён от женщин. Наоборот, я очень тонко их чувствовал. А они всегда тянулись ко мне.

Женщина редко говорит только словами. В ней говорит всё: взгляд, пауза, интонация, то, как она задерживает внимание, как чуть меняет положение тела, как будто случайно оказывается ближе, как улыбается, как прячет интерес или, наоборот, позволяет его замечать. И я всё это видел. Так устроено моё восприятие. Я вглядываюсь в человека даже тогда, когда не пытаюсь этого делать. Его суть, естество, будто сами начинают проявляться. Именно поэтому с женщинами мне было одновременно легко и сложно.

Легко — потому что я их понимал. Я видел женский интерес, видел внимание, видел, как женщина присматривается, оценивает не как случайного мужчину, а как человека,

которого теоретически можно выбрать. Не просто как сексуального партнёра, не как развлечение, а с куда большим замахом. Я это замечал на протяжении всей жизни.

Женщины часто смотрели на меня не просто как на мужчину, который может понравиться. Они смотрели внимательнее. Будто сразу примеряли меня к чему-то большему. И я понимал почему. Потому что знаю, какой я. Знаю, что рядом со мной женщине может быть очень спокойно, интересно, глубоко, тепло и по-настоящему. Знаю, что умею видеть женщину не поверхностно, не потребительски. Тут, кстати, заключается большое количество моментов, когда, может, мной хотели просто в удовольствие попользоваться, и я был бы даже совершенно не против, но для себя всё усложнял. А сложно, потому что видеть женский интерес — ещё не значит хотеть воспользоваться им. Видеть возможность — ещё не значит считать её правильной. Понимать, что женщине рядом с тобой может быть хорошо, — ещё не значит выбирать её. А вот здесь и начинается самое важное.

Я мог полюбить женщину. Мог быть с ней. Мог создать отношения, в которых было бы много хорошего, тёплого, честного. Я прекрасно понимал, что со мной многим женщинам могло бы быть очень хорошо. И мне рядом со многими женщинами могло бы быть комфортно. Но комфорт — это не Выбор. Симпатия — не Выбор. Привязанность — не Выбор. Даже любовь, какой её обычно понимают люди, — ещё не всегда Выбор. Тогда, возможно, я ещё не формулировал это

именно так. Не ходил с большой буквой в голове и не говорил себе: «Вот, я должен сделать Выбор». Нет. У меня не было такого понятия в готовом виде. Я понял, что такое Выбор, только потом. Но сама внутренняя невозможность выбрать наполовину была во мне всегда. В моей конструкции выбрать женщину наполовину — значит обмануть её.

Можно сколько угодно прикрывать это словами: «нам хорошо вместе», «мы взрослые люди», «время покажет», «отношения развиваются», «не надо торопиться». Всё это может быть правдой. Но если внутри ты уже знаешь, что не выбрал человека по-настоящему, то продолжать делать вид, будто всё идёт куда-то туда, куда женщина, возможно, надеется прийти, — это просто нечестно. Меньше всего я хотел обижать женщину. Для меня это важно. И не потому, что я такой правильный в каком-то показном смысле. Просто уважение к человеку для меня никогда не было красивой фразой. Я слишком хорошо видел, как люди привязываются. Видел, как женщина начинает чувствовать, надеяться, раскрываться, строить внутри себя то, что, возможно, даже не произносит вслух. И если я при этом понимаю, что не могу выбрать её так, как она заслуживает быть выбранной, то что я делаю рядом с ней дальше ? Пользуюсь её чувствами ? Привыкаю к её теплу ? Беру её внимание, её тело, её заботу, её присутствие, зная, что сам внутренне не отдаю ей того же уровня выбора ? Для меня это было невозможно.

Может быть, поэтому наиболее длительные отношения

всегда становились для меня проверкой честности. Не потому, что женщина была плохой. Совсем нет. Очень часто рядом мог быть хороший, тёплый, достойный человек. Но именно поэтому становилось ещё сложнее. Плохого человека легко отпустить. А хорошего обидеть особенно тяжело. И вот тогда передо мной всегда вставал вопрос: имею ли я право оставаться рядом, если я не выбрал ? И я мог спокойно быть один, потому что для меня одиночество было честнее, чем половинчатые отношения. Одиночество никого не обманывает. Одиночество не берёт у человека надежду. Одиночество не заставляет женщину думать, что она стоит в твоей жизни у порога. Одиночество не обещает того, чего ты не можешь дать. И в этом смысле одиночество для меня было не бегством от любви, а уважением к ней. К той самой любви, которая не должна быть разменной монетой за комфорт, привычку, секс, быт или страх остаться одному. Я вообще не искал женщину как цель.

Я жил. Путешествовал, думал, общался, раскрывался, встречал людей, создавал проекты, ошибался, снова вставал, снова шёл. Женщины, конечно же, были в моей жизни. Были симпатии, связи, отношения, близость. Я не был монахом и никогда не пытался им казаться. Моя сексуальная энергия всегда просто зашкаливала, и отрицать это было бы смешно. Женщины это тоже чувствовали. Но между сексуальной энергией и настоящим выбором женщины лежит огромная пропасть. Женщину можно хотеть. С женщиной может быть

хорошо, уютно, интересно, спокойно, страстно. А вот Выбрать — значит внутренне признать: она твоя. Целиком, полностью. Без права, а главное, даже малейшего желания это изменить.

И именно такая концепция, столь возвышенная, ясное дело, по сути своей просто невозможна. И вовсе не потому, что женщины недостаточно хороши. Это было бы слишком примитивное объяснение. Нет. Просто сама планка этого узнавания во мне была такой, что я даже не считал её реальной жизненной задачей. Я не ходил и не искал ту самую. Не ждал её на вокзале судьбы с цветами в руках. Не высматривал в каждой женщине знак. Я просто жил. С лёгкостью, в моменте.

И если быть совсем честным, я настолько спокойно относился к этой теме, что она почти не занимала моё внимание как проблема. Я мог быть один всю жизнь. И принимал для себя это. Да, возможно, рядом со мной когда-нибудь была бы женщина, с которой мне хорошо, спокойно и честно. Возможно, я бы с ней жил. Возможно, всё было бы нормально. И я был бы с ней максимально честен. С самого начала. Потому что половина выбора — это не выбор. Половина честности — это не честность. А любовь — это часто просто красиво оформленный эгоизм.

А я не хотел эгоизма рядом с женщиной. Просто потому что во мне его нет. Не хотел брать больше, чем могу дать. Не хотел становиться для женщины тем, кто вроде бы рядом, но

в глубине не с ней. Не хотел, чтобы она чувствовала во мне тепло, силу, внимание, а потом однажды столкнулась с тем, что всё это было не тем и не для неё. Поэтому один. Легко. Спокойно. С уважением к себе и к женщине, которую я не стал обманывать. И вот из этого уже вытекает другой вопрос, который меня волнует на протяжении всех прожитых лет. Очень тонкий, очень неудобный для нашего общества: как женщине оставаться женщиной и при этом дать мужчине понять, что пространство между ними возможно ?

Вот здесь и возникает то, что я называю женской ясностью.

06 Разрешение женщины

Путешествия дали мне свободу быть собой. Но была ещё одна область, в которой я всегда оставался особенно осторожен — взаимоотношения мужчины и женщины. Речь о притяжении. Я слишком хорошо его чувствовал. Именно поэтому и относился к этому аккуратно. К той самой игре между мужчиной и женщиной. Ведь достоинство теряется почти играючи…

Мужчине в этой игре сначала говорят: будь мужчиной. Потом — но не слишком. Потом — будь увереннее. А через секунду, если он вдруг оказался увереннее не в той интонации, — ты что, совсем охамел ? Потом ему объясняют, что женщина сама всё решит, но если что-то произошло, то почему-то оказывается, что решил всё равно мужчина. Чудесно устроено. Просто великолепно. Я, признаться, всегда с интересом наблюдал за этой конструкцией. Она настолько кривая, что в ней даже проглядывается что-то почти красивое, если не думать о том, сколько нормальных мужчин и женщин спотыкаются о неё в реальной жизни.

Мужчина должен проявлять инициативу, быть смелым, не бояться женской красоты, женского взгляда, женского интереса, того напряжения, которое возникает между двумя людьми ещё до того, как кто-то что-либо сказал вслух. Согласен. На то он и мужчина. Но есть маленькая деталь, о ко-

торую весь этот величественный спектакль постоянно спотыкается. Последнее разрешение всё равно даёт женщина. Не мужчина. Женщина.

Мужчина может быть рядом, может вести разговор, может смотреть так, что воздух между вами становится плотнее, может флиртовать, может чувствовать, что между ним и женщиной уже появилось нечто большее, чем просто обмен фразами. Он может быть включён, внимателен, заряжен, жив; может проявлять интерес настолько прямо, насколько позволяет ему собственная природа и воспитание. Вот только решения, опять-таки, принимает женщина. Всегда.

Можно сколько угодно строить цивилизацию на образе мужчина-добытчик, мужчина-охотник, мужчина, который пришёл, увидел и взял. Удобный образ, и столь примитивный, зато многим до сих пор нравится. Только в живой человеческой реальности мужчина может начать движение, обозначить интерес, создать пространство, но откроется это пространство или нет — решает женщина. Вот досада, да ? И все это знают. Женщины это знают прекрасно. Мужчины тоже знают, просто часть из них делает вид, что решают именно они. А общество зачем-то продолжает разыгрывать старую пьесу, где мужчина якобы главный распорядитель интимной связи. Ага.

Особенно если вспомнить, что без женского согласия всё мгновенно становится преступлением. И правильно, так оно и есть. Без согласия это насилие, тут даже нет предмета для

дискуссии. Но если согласие есть, если женщина сама дала ясность, если она открыла саму возможность близости к себе, если она своим женским началом позволила мужчине быть мужчиной рядом с ней, — почему-то ответственность за сам факт близости магическим образом возвращается к мужчине. Женщина — последняя инстанция согласия, но женщина как будто не участник собственного согласия. Забавная позиция с совершенно серьёзным выражением уверенности. И нет, не надо сейчас доставать любимый современный набор: «Ага, значит, ты обвиняешь женщин». Тут речь совершенно в ином. Суть в достоинстве. О достоинстве мужчины и о достоинстве женщины. Потому что вся эта мутная конструкция, в которой мужчина должен угадывать, проверять, продавливать, тонко чувствовать, ошибаться, снова пробовать, не выглядеть хамом и при этом не показаться слабым, унижает обоих. Мужчина превращается в того, кто проверяет женщину на доступность. Формулировка так себе. Зато точная. А женщина в этой же конструкции превращается в ту, кто вроде бы ждёт, когда её начнут проверять, чтобы потом по результатам проверки решить, достойно ли это было сделано. Тоже, знаете ли, не вершина достоинства — ни мужского, ни женского.

Мне всегда было неудобно в этом положении, и я предпочитал просто в этом не участвовать. Ведь сам флирт прекрасен. Игра может быть великолепной, если оба понимают, что играют. Мне было неприятно другое: мужчина должен

будто бы на ощупь искать подступы, не зная, возможны ли они вообще.

Как с дверью. Стучать, не стучать, повернуть ручку, сделать вид, что ручки не заметил, а вдруг дверь открыта, а вдруг это не дверь, а стена, и сейчас ты будешь выглядеть идиотом ? И вот стоит такой мужчина перед этой прекрасной архитектурой женской неопределённости и думает: великолепно, сколько ещё цивилизация будет называть это романтикой ?

Причём чем мужчина интеллигентнее, тем ему сложнее. Бесцеремонному проще: он не думает, он идёт. Где-то его пошлют, где-то он продавит, где-то ему повезёт, и, вероятнее всего, именно он и окажется в статистике «у меня были отношения с очередным козлом». Конечно. Потому что подобные мужчины, в отличие от нормального мужчины, не очень переживают, не превратили ли они женщину в объект проверки, и уж тем более не задумываются о её достоинстве.

А нормальный мужчина переживает. Он может быть сильным, сексуально заряженным, внимательным, прекрасно чувствующим женщин; может видеть взгляды, паузы, улыбки, интонации, случайные касания, которые, конечно же, совершенно случайные — мы же все взрослые люди и всё понимаем. Но он всё равно не хочет делать одну вещь: проверять женщину, обидеть её одной-единственной попыткой сблизиться.

Потому что одного раза достаточно, чтобы полностью пе-

речеркнуть всю предысторию вашего знакомства. Всё будет испорчено. Потому что в этом уже есть грязь. Не в женщине и не в мужчине, а в самой конструкции.

07 Метод

Немного о взглядах. Мне видится это важным.

Политика всегда была мне интересна. Как вы понимаете, это просто следствие моего отношения к миру, моего взгляда на него, восприятия. Вот есть политика — значит, партии, выборы, взгляды, споры, дебаты, обещания… Всё это, конечно, тоже политика. Только, по мне, скорее вывеска. Политика — это правило, по которому действует целый народ.

Не то, что он говорит о себе, а как себя проявляет. Правила действия. То, каким способом народ, государство или цивилизация добивается своего. Что считает допустимым. Где проводит границу. На что готова ради движения вперёд. В пользу чего делает свой выбор.

Именно в таком ракурсе более понятным будет её рассматривать. Малоинтересно, кто называет себя правым, левым, либералом, консерватором, патриотом, демократом, борцом за свободу или очередным спасителем человечества. Назваться можно кем угодно. Люди вообще обожают названия. Мне было интересно другое: каким методом человек, народ или цивилизация добивается своего. Потому что метод говорит куда больше, чем речь. Речь можно написать. Метод проявляет.

Оглядываясь вокруг, что я могу увидеть ? Весь мир. Хорош ли он ? По-моему, получилось неплохо. В нём мно-

го красоты, ощущения, глубины, проявления, возможностей быть. Мир хорош. С людьми, да и не только, сложнее. Особенно с некоторыми. Причём чем больше человек говорит о высоких принципах, тем интереснее наблюдать, какими именно руками он эти принципы двигает по столу.

Если говорить в масштабах стран, всё становится ещё показательнее. Как можно оценивать действия тех или иных государств ? По заявлениям ? По гимнам ? По словам о свободе, праве, демократии, справедливости, безопасности, правах человека и прочих прекрасных сущностях, которые так удобно произносить ? Можно, конечно. Люди так часто и делают. Слушают слова и кивают. А слова в политике зачастую настолько мало в состоянии дать. Действия и методы уже более понятны. Потому что метод — это и есть настоящий язык политики.

Почти каждый скажет: дело в интересах, отсюда и методы их достижения. И это правда. Интересы были, есть и будут. Народ, государство, цивилизация всегда имеют интересы. Вопрос не в их наличии. В том, чем именно цивилизация готова стать ради их достижения. Вот здесь и начинается самое интересное.

Одно дело — иметь интерес. Другое — идти к нему через договор, строительство, взаимную выгоду, уважение к пространству другого народа, через попытку включить его в общее развитие. Совсем другое — прийти с улыбкой, рассказать про свободу, демократию, светлое будущее, а где-то на

заднем плане у тебя тихо-тихо звучит: «нефть», «ресурсы», «контроль», или ещё тише — «удобное правительство». Почти незаметно. Особенно если включить нужную говорящую голову погромче. Только территория, на которую пришли с таким методом, потом почему-то оказывается не свободной, а использованной. Как неожиданно, правда ? Управляемый хаос налажен, а местным объясняли, что они теперь должны быть благодарны, и ещё немного должны. И вот здесь политика начинает соединяться с цивилизацией напрямую. Нельзя оценивать политику отдельно от цивилизационного кода. Политика — это тень цивилизации в движении. И её не подделать, тень всё равно повторит истинную форму. Цивилизация проявляет себя именно через то, как она действует.

Когда ей удобно быть красивой, почти все умеют выглядеть прилично. Попробуйте оценивать человека, когда у него всё спокойно, сыто, тепло, чисто, безопасно, и рядом фотограф. Он, скорее всего, будет просто великолепен. А вот когда появляется интерес, жажда, страх, есть возможность взять больше или можно надавить, сказать «так надо» и протащить под этой фразой собственную выгоду, вот тогда человек становится виден. С цивилизациями то же самое, ибо человек так или иначе является её проявлением в сути своих намерений.

Мир, дружба, жвачка — прекрасный набор. Я даже ничего против жвачки не имею. В детстве это вообще был почти символ цивилизационного чуда. Но если кто-то говорит

про мир, а действует через разрушение, то вопрос не к слову «мир». Вопрос к тому, кто решил использовать его как упаковку. Если кто-то говорит про свободу, но приносит с собой зависимость, вопрос не к свободе. Свобода тут вообще ни при чём. Она стояла рядом, никого не трогала, а её опять использовали в рекламной брошюрке. Дело именно в соответствии.

Если слова и метод совпадают, тогда перед нами хотя бы честная политическая линия. Можно спорить, соглашаться, не соглашаться, иметь о ней своё мнение, но в ней есть внутреннее соответствие. Если человек говорит «я пришёл взять» и берёт, он, конечно, может быть мерзавцем, но он хотя бы не превращает ложь в добродетель. А вот если он говорит «я пришёл освободить», после чего забирает, ломает, подчиняет и выстраивает зависимость, то перед нами уже не просто интерес. Перед нами та самая тень цивилизации в своём естестве, проявляющаяся через несоответствие. И это ключевое.

Политика показывает не только направление государства. Она показывает нравственную архитектуру народа. Да, именно так. И более того, частичку каждого человека внутри неё. Пусть даже и все люди разные. В любой стране можно встретить глубокого, честного, настоящего человека. И в любой стране можно встретить существо, которому, если честно, лучше было бы родиться предметом мебели, потому что пользы примерно столько же, а вреда меньше. Но ци-

вилизационный контур всё равно существует. Он проявляется пусть не в каждом, но в общем ценностном направлении мышления. Политика в этом смысле удивительно честна, ибо в глубине всегда стоит цивилизация. Её внутреннее устройство. Её представление о человеке. Её внутренняя сила как показатель способности видеть в других не объект, а истинно живое как ценность.

Именно поэтому дальше говорить только о политике будет недостаточно. Придётся говорить о цивилизациях. Потому что политика — это не отдельная сцена, где умные люди двигают фишки по карте. Это проявление более глубокого слоя. Карта вообще ни в чём не виновата. Её просто постоянно используют те, кто думает, что мир состоит из эгоистичных интересов и логики «либо я, либо меня». Примитивно.

Я вижу мир не территориями и границами. Мир — это смыслы, сформулированные народами, цивилизациями, их внутренним наполнением и тем, каким образом это наполнение проявляется в действии. Политика — один из самых честных способов это увидеть. Именно потому, что там, где появляется интерес, маски начинают сползать. Не сразу, конечно. Некоторые удерживаются долго. Хотя смотря что подразумевать под этим «долго».

Глава вторая: Она вошла

01 Бытие

Спокойно и неторопливо проживая время, я ничего не ждал. Лишь наблюдал за самим его ходом — за всем, что окружало, что было рядом, кто был рядом. По ощущению прожил в два раза больше. И это очень интересно. Пожалуй, одно из немногого в себе и для себя, что мне объяснить не получается. Некое ощущение времени. Оно просто есть, ты в нём, прямо как в воде, но в бытии. Его не изучить, не разглядеть, не осязать. Будто побочный эффект нахождения в текущем моменте — не просто проживая его, а ощущая себя в нём. Так было, сколько себя помню, и давалось мне с трудом. Как ходить по дну в воде — подходящее сравнение.

Сколь часто слышал фразу «время так скоротечно» — наверное, так и есть, но вот в моменте — то ли мука, то ли дар.

Прошло уже несколько лет с последнего путешествия. Я так ни разу в жизни и не ездил никуда по путёвкам: всегда только билет в один конец, а там как сложится. И даже тогда время не проживалось как миг. Теперь, находясь в давно уже родном мне Петербурге, я занимался своими житейскими вопросами. Писал политические и философские заметки, размышления об обществе, о ценностях, и связывал это

с политическими событиями в мире.

Параллельно читал — не классику, не философию как таковую, а разное, что попадалось. У встречающихся людей спрашивал, что им больше всего понравилось из того, что они прочли, и заглядывал туда, чтобы даже через книгу увидеть человека.

Я жил свободой, реализацией внутри себя, а вот карьера, деньги — всё мимо. Просто не интересно. Я познавал всё таким, какое оно есть. Внутри или вовне, постепенно обживая свой новый дом. Просторный для меня одного, светлый.

На тот момент вышло бюджетно, тот случай, когда по-настоящему повезло. Хотел остановиться на том, на что хватало, но решил рискнуть и обратился в банк за ссудой. Дали. Взял на задворках. А когда первый раз проезжал мимо стройки, накатывали слёзы смеха: стоят посреди пустого поля просвечиваемые пять этажей строительных конструкций, и всё. Обещали лишь, что вид из окон должен быть хороший. Спустя пару лет на этом самом поле вырос целый квартал — с фонтанами и красивым променадом. Из этого места сделали изюминку всего района: приятно, чисто, зелено. И тот самый вид, который я искал.

02 Третье января

Я жил, знакомился, общался, смотрел на тех, кто входит в мою жизнь. И тут вошла она, не сказать что скромно, но тихо, аккуратно, как своя. Проста, начитана, умна, легка в движениях, скромна, хотя бы внешне. Пусть даже знакомство наше состоялось на основе очень тесных отношений — так близко человека разглядеть мне было всегда проще. Узнать о нём гораздо больше, чем только лишь по ощущению. Контакт даёт то, чего мне недостаёт для понимания. Насколько женщина готова отдавать и брать. Как относится к тому, кто рядом. Где у неё проходит уважение. Всё то, что раскрывается, лишь стоит прикоснуться ближе.

Мы встретились третьего января. Она по профессии инженер — умственный труд, технический склад ума, мне это приглянулось. Зовут Лена. У неё было двое детей, и материю она была замечательной: на праздники делала им квесты, что-то создавала, придумывала. Я в этом даже иногда ей помогал.

Та лёгкость, что пронизывала наше общение, стала связующей нитью дальнейшего совместного движения. Банально — виделись по выходным и даже чаще. Я узнавал её, она меня. Рассказы о себе, о жизни до, текли и наполняли. Меня прельщали и вызывали внутреннюю улыбку та доброта и сочувствие, что были в ней. Она участвовала в поисках про-

павших как волонтёр при «Лиза Алерт». Терялись дети, старики; опаснее всего в лесах, и если холодно, счёт шёл уже на часы. Прочёсывали сектора, поднимали ориентировки в сети. Помню, как она сидела у меня дома и выкладывала одно объявление за другим. А когда находили, у неё светились глаза.

Любили мы гулять, особенно она. Готова была ежедневно ходить с работы пешком — час пути вдоль парка, а потом ещё со мной, пытаясь прикоснуться как можно чаще. Ладонью, плечом, сесть обязательно рядом, не напротив. Простые ритуалы: взять друг друга за руки и через парк пройтись, там посидеть, тут помолчать. Всё как у многих пар, что становились ближе. И это было всё как отражение — мой контур притяжения к той, кто стал задолго узнаваем, не только телом, но и душой.

Мне всегда было ближе общение тет-а-тет, где третий всегда лишний. Ей, как оказалось, тоже. Мы выезжали на машине, ездили, разговаривали. Могли встать где-то с приятным видом — на воду, поле, парк — и просто говорить. Может, и чуть больше, но цель уединения была именно в том, чтобы вокруг никого. Зимой гуляли по парку, когда вокруг всё в снегу, ветра нет, а под ногами хруст снежинок. Потом бегом к машине — горячего попить и отогреться.

03 Ясность

Это была очень простая, интеллигентная и лаконичная фраза, дающая ясность. Формулировка даже не требуется. Важны были не сами слова, а то, как они были произнесены и какую ясность создавали между нами. Без пошлости, без грубости, без попытки упростить происходящее. Она просто дала понять: между нами всё возможно. Не пошло, не грубо, не вульгарно и не так, будто женщина решила упростить мужчине задачу ценой собственной женственности… Нет. Она сделала это так, что всё осталось на своих местах: я остался мужчиной, она осталась женщиной. Более того, именно потому, что она просто была честна, я по-прежнему чувствовал себя мужчиной — открытым по отношению к ней. Вот в чём фокус. Очень изящный, кстати. А что нужно женщине, если не уверенный в своих намерениях мужчина ? Женщина может дать разрешение так, что мужчина не почувствует в ней доступность. Он почувствует в ней достоинство. Да, ведь можно и так. Она не становится дешевле или дороже. Она становится яснее. А Лена тогда предоставила её правильно и изысканно. Точно, прямо, но без грубости. В этом была какая-то редкая женская культура, которую я, если честно, встречал в жизни слишком редко. Но она мне в абсолютной степени близка. Я всегда замечал это, потому что мужчина очень хорошо чувствует разницу между доступностью и яс-

ностью. Доступность унижает женщину в глазах мужчины. Ясность, если она дана из достоинства, наоборот, раскрывает её, делая не проще, а желаннее. Доступность говорит: бери. Ясность говорит: можешь быть мужчиной. Это совершенно разные конструкции восприятия мира и культуры уважения друг к другу. В этом заключается честность перед собой — и мужчины, и женщины.

И вот Лена в тот момент не просто стала для меня привлекательнее. Она словно проявила какой-то редкий элемент правильного женского устройства. Я увидел не только женщину, с которой возможна близость, а женщину, рядом с которой эта близость наполняется достоинством. А это, между прочим, не мелочь, потому что очень многое в этом дневнике именно о достоинстве. О том, где человек его сохраняет, где теряет, а где даже не понимает, что оно у него было.

Мужчина не должен биться в закрытую дверь, не зная, хотят ли его вообще узнать чуть ближе. Женщина не должна стоять по ту сторону двери и ждать, насколько красиво он расшибёт себе лоб. Это не романтика, это скользкая дорога восприятия, которой почему-то дали культурное оформление. В нормальном мире правильного взаимодействия женщина должна уметь дать мужчине ясность: не приказ, не договор, не пошлую табличку «открыто» — а простую человеческую ясность. Ту самую, женскую. Когда мужчине становится понятно: да, это возможно. И дальше он уже может быть мужчиной рядом с ней. Вести, приближаться, брать от-

ветственность за ритм, за силу, за аккуратность, за то, чтобы женщина не пожалела о собственной ясности. Вот это уже его территория. Но вход в это пространство открывает она. И чем раньше всё общество перестанет делать вид, что это не так, тем меньше у него будет странных претензий к собственным разваливающимся отношениям.

Потому что сейчас что получается ? Самые интересные и ценные по сути своей мужчины часто останавливаются. Самые наглые идут дальше. Женщины сталкиваются с наглыми, а потом говорят, что мужчины испортились. А может, проблема в общем механизме восприятия ? Если преимущество получает тот, кто меньше уважает границу, не удивляйтесь, что именно он чаще оказывается рядом. Впрочем, человечество вообще любит сначала построить ловушку, потом окунуться в неё с головой, убеждая всех, что конструкция верная, подкрепив это десятком институциональных догм. Очень занятно.

Лена же в тот момент вышла из этой ловушки каким-то удивительно естественным образом. Она не стала спорить с мужским и женским, не стала играть в силу, не стала устраивать мутную проверку. Она просто решила остаться женщиной в полном смысле этого слова.

И от этого во мне не появилось ощущения, что передо мной та, кого можно «взять». Женщину можно встретить, пригласить, почувствовать, раскрыть. Я увидел перед собой женщину, которая настолько уверена в своей женственности,

что может позволить себе быть ясной. И вот это было красиво. Очень. Потому что ясность в женщине, если она дана из достоинства, не убирает тайну. Она убирает грязь. Остаётся женственность, игра и притяжение. Исчезает только необходимость проверять друг друга на прочность, доступность, наглость и способность вовремя не опозориться. Неплохая потеря. Она возвысилась кратно в моём к ней отношении. Не потому, что между нами стала возможна близость, а потому, как она стала возможна. Вот это «как» в отношениях мужчины и женщины иногда важнее самого события.

Именно поэтому появление Лены в моей жизни нельзя объяснить простой симпатией, флиртом или удачным совпадением. Она вошла не в пустое место. Она вошла в уже существующее во мне понимание женщины, достоинства, ясности и уважения. Просто до неё это понимание было скорее внутренним законом, чем прожитым фактом.

04 Восторг

Помимо прогулок и разного толку обсуждений, присутствовала культурная жизнь — и тут вела она. В этом она разбиралась.

Лена была меломаном — в полном смысле слова. Слушала всё. Свои вкусы однажды обозначила фразой: «от классики до ёжики ебутся». Вот так, сохраняю её авторский стиль, хотя мат в нашей речи отсутствовал. Ему место в другом. А песенка реально существующая, она меня с ней даже познакомила. Талантливо, ничего не скажу. Помню, однажды сходила на урок художественного мастерства и нарисовала женщину — а по факту вылитую себя со спины. Картину подписала «Фоху» и подарила мне. Однажды эта работа может окажется на Sotheby's. Вполне допускаю.

Она любила поесть. Ну и не только она. На силуэте её это никак не отражалось, что было совершенно бесценно. И у неё была странность в чтении — любила книги про медицину и про маньяков. Иногда одно перетекало в другое, но чаще шло раздельно. Почему именно медицина — я не знаю. В жизни она к ней никакого отношения не имела. А маньяки — хмм, есть у меня мысли…

Первый раз нашей совместной культурной программы был когда она привела меня в Петрикирхе — на органный концерт. Подобная музыка мне подходила, и мы выбрали

это место после короткого обсуждения. Приглушённый свет, объёмное, окутывающее звучание органа. И даже в таких местах высокой культуры она старалась держать меня за руку.

А культурная жизнь набирала обороты. Концерты, выставки, музеи — Эрарта, музей миниатюр, временные выставки в Русском музее. Не сказать, чтобы часто, но подобные походы плотно вошли и в мой обиход. Когда ходили на что-то совсем новое, редко выходило, что совсем не нравилось.

С театром было сложнее. В отличие от меня, Лена была заядлой театралкой. Мне это, честно, всегда было непонятно. Камерный театр, актёры на маленькой сцене, спорят, кривляются, играют и на этом строится сюжет — для меня это почти испанский стыд. Хоть убей, не пойму этого искусства. И тогда она зашла с другой стороны.

— Мюзикл! Тебе должно понравиться, там как раз танцуют, поют. Был ? — Нет. — Всё, я знаю, на что пойдём. «Мастер и Маргарита»!

Билеты были куплены в тот же вечер. Говорил ли мне что-либо этот выбор ? Нет — Булгакова я читал, кино видел. Шли с удовольствием. Я ждал — не то чтобы с придыханием, но её эмоциональный рассказ о том, что это лучшее, что я должен посмотреть, не оставлял мне других эмоций, кроме предвкушения.

Перед глазами сцена. Места у нас простые — по центру, сбоку; видно всё прекрасно. И вот начало — гром звуков,

музыки, всё охватывает, и вскоре голос пробирает аж насквозь. Я вижу, понимаю для себя: вот оно, искусство. Точно попадает в моё понятие о нём. Всё действо смотрел как заворожённый. Вникал, сочувствовал, переживал. И это был восторг! Такого я совершенно не ожидал. А Лена будто заранее знала, что именно такая форма искусства мне подойдёт. Она угадала точно: впервые театр не вызвал во мне внутреннего сопротивления, а сразу попал туда, куда должен был попасть.

С того вечера у нас начался отдельный пласт жизни. Мюзиклы, и те постановки, на которые, как она считала, меня нужно сводить. Так выходило, что каждый второй-третий поход у нас был на постановках про Иисуса. Я обратил на это внимание вслух — на что в ответ лишь тишина, и да, её ухмылка. Каждая такая постановка несла особый взгляд, с которым я внутренне либо соглашался, либо нет.

Так Лена, сама того, может быть, ещё не понимая, водила меня не только по театрам. Она подводила меня к тем образам, к которым мне предстояло вернуться намного позже — уже совсем с другим пониманием.

05 Небесный договор

Минуло время. Уже весна. Пора влюбляться, но вот досада: любви-то нет. Казалось бы, всё складывается так, как надо, вот только не любовью эхо отдаёт, а чем-то совершенно новым, глубоким, как в космос брошен взгляд, бескрайний. Иное. Узнавание. Как в зеркало бездонное всмотревшись: есть я, она, и мир слишком мал, чтобы вместить всю суть и понимание. Это она, никто другой. Не может быть, чтобы случилось это. Что это ? Да сам я не пойму; точнее, понял всё, но веры нет, что может быть такое. Внешне всё продолжалось как прежде. Выходные, прогулки, разговоры, её рука в моей, какие-то планы, поездки, простые и приятные мелочи. Просто рядом была она, и чем дольше, тем яснее становилось то, чему я сам ещё не находил названия. Любовь я знал. Влюблённость тоже. Тут дело было истинно в ином. Любовь, пусть даже самая сильная, всё равно основою своей лежит в этой жизни. И жизнью мерится. Тут меры этой было мало. Не помещалось.

Я смотрел на Лену и всё чаще ловил себя на ощущении странной знакомости. Это была не биографическая знакомость, которая приходит после рассказов о прошлом, привычках, любимых книгах, детях, работе, смешных историях. Совсем иная. Будто ты не узнаёшь человека, а вспоминаешь. Будто перед тобой кто-то, кого ты должен был бы знать бес-

конечно давно, хотя здравый смысл, конечно, стоял рядом, кашлял в кулак и очень просил не сходить с ума.

И вот на этом фоне однажды я проснулся рано. На часах было около половины пятого утра. Мне снился очень странный сон, в котором не было никакой особой визуальной составляющей, но было огромное количество пережитого. Меня наполняло чувство факта случившегося — будто что-то произошло в реальности, и, видимо, не в нашей. В первые же секунды я вслух повторил:

— Небесный договор заключён.

Потом ещё раз. Эта фраза полностью пронизывала то ощущение пережитого, которое сейчас находилось во мне. Только что я где-то побывал, но воспоминаний от этого остаться не должно было. Небесный договор заключён. Про себя я повторял эту фразу несколько раз, а рядом нежно лежала Лена. Я прекрасно понимал, что речь о ней.

В голове прокручивалось множество вариантов. Пытался будто вспомнить, фантазировал сюжеты, откровенно выдумывал то, чем это могло бы быть. Так не работает. Ничто не ложилось. Сомнений не было только в одном: это был не сон и не выдумка. Что-то действительно произошло, и я теперь знал только то, что договор заключён. Какой ?

Пытался прислушаться к информации, которая по-прежнему оставалась внутри, в груди, на уровне солнечного сплетения. Никак. Только плотный сгусток ощущения. Сравнивал, формулировал через тот опыт, который мне знаком по

восприятию людей и всего вокруг. Не то. Совсем. Соответственно, тот самый договор, который вроде как заключён, да ещё и на небесах, был моей личной трактовкой того, к чему я успел прикоснуться. Что это означало, мне неведомо. Ясна лишь суть, сам факт, а полный образ непонятен.

С утра, чуть позже, я поделился с Леной этим очень необычным опытом, но только как фразой, которую вспомнил после сна, которого вроде даже не было. Чего мы там только не фантазировали. Посмеялись от души. Хорошее было утро, на душе прямо светло и приятно. И рядом она.

После я пытался разобраться с этим ощущением. Оно никуда не пропало. К нему по-прежнему можно было вернуться, оно неизменно оставалось внутри. Небольшое, но объёмное — это ярко отличало его от любого ощущения после сна, даже самого сильного и эмоционального, но всегда достаточно быстро пропадающего. Сон рассеивается. Это осталось.

И вместе с этим осталось другое понимание: Лена теперь каким-то образом дана мне не просто как женщина рядом. Вот здесь я и останавливался. Потому что сказать самому себе подобное всерьёз — уже занятие интересное. С чего бы вдруг ? За какие заслуги ? Тем, что я такой хороший ? Ага. Сейчас. Хотя, кто знает.

Я не просил, не ждал и не искал. В случайности и статистику я верю. Только какова вероятность произошедшего ? Вероятность именно этого узнавания, этой ясности, этого странного договора, пришедшего будто извне и оставше-

гося внутри фактом, которому я не мог подобрать нормальное земное объяснение.

Произошло то, во что практически невозможно поверить. Сравнимо с чудом, не иначе. И в то же время всё больше задавался я вопросами: Зачем ? К чему это ведёт ? Сухой анализ, простые, казалось бы, вопросы. А какова же вероятность произошедшего ?Звёзд меньше на небесах, чем то, что тут произошло. Со мной.

Как внешне, так и в сущности ничего не изменилось. Стали мы ближе ? Нет. Всё уже было. Всё те же выходные, прогулки, разговоры, поездки, объятия и тепло. Она смотрела на меня всё теми же глазами, а я в ответ своими. Не поменялось ничего. И всё же внутри словно бы галочкой отмечено — я тебя вижу, ты моя, и выбрал я тебя давно, когда даже не знаю.

Узнал не как характер, привычки или нежный взгляд. Всё это чувствовал и так. Тут было другое узнавание — без грани полное, спокойное, как будто так и было, наверное всегда. Сидит рядом, прижимается как можно ближе, рассказывает что-то, смеётся, а я смотрю и понимаю: мир слишком тесен, чтобы объяснить всю суть этого явления.

Впрочем, жить нам это никак не мешало. Да и смотреть на неё я не стал с каким-то придыханием. Нет, вовсе. Чем необъяснимее становилось внутреннее понимание, тем естественнее продолжалась обычная жизнь. И в этой казалось бы обычности, Лена раскрывалась всё ярче.

06 Интеллектуальная развратница

Особенно естественно её тянуло к теме близости мужчины и женщины. Само по себе притяжение с женщиной всегда было для меня словно второй основой отношений, параллельным пластом, где очень быстро проявляется сам человек: его суть, внутренняя свобода, становятся понятны страхи и ограничения. Мы много говорили о близости. Во время прогулок, обедов, поездок, иногда даже в музеях. И это редко были бытовые шуточки с пошлым контекстом. Всё облачалось в научно-интеллектуальный дискурс, приправленный философскими воззрениями.

Я рассказывал ей, что женщина раскрывается с мужчиной при должном к ней отношении. Когда дают пространство ей быть собой в соответствии с её желаниями и при должном взаимоуважении. И чувствует себя тогда она желанной. Внимание и отсутствие эгоизма — вот ключ. И говорил я не про что-то сферическое, не про красивую теорию. Говорил о том, чем был сам, исходя из собственного отношения к женщинам. Быть собой. Мужчиной. Предлагать женщине быть рядом, а не под.

Постепенно я показал ей как разговаривать во время близости. Именно разговаривать. Женщина ведь может давать мужчине понимание не только чувственностью, взглядом, движением, дыханием, но и словом. Может сказать, что раз-

жигает в ней огонь, что ей хорошо, что думает она сейчас, что хочет, что ей нравится, и что хотела бы узнать, но может завтра. Не просьбой, а желанием. И это важно. Именно желание раскрывает то возможное что доступно между двумя.

И разговоры эти становились смесью изыска, пошлости, литературы в формулировках страсти и красоты. Слова тоже ласкают. Чаще нежнее рук. Всё потому, что попадают не только в телесное, но и в воображение, в тот внутренний азарт, и придыхание, и это невозможно приказать. А в страсти наполняясь, описывает то, как хорошо ей, что нравится сейчас иль может будет завтра, а может и не пару раз. И хочет слышать тот ответ, как хочешь ты её, как нравится тебе она, и в чём, детально, как сам горишь, открываясь ей, желая.

Лена подхватывала это с горящими глазами. На лету. Как если была бы лучшей ученицей. Там и пятёрки мало. Проявился гений, не иначе. Мне было достаточно посадить зерно, а оно взросло во что-то поистине великолепное. Она брала мою мысль и возвращала её с новой интонацией, уже своей, живой, женской, иногда настолько точной, что я искренне поражался.

Настоящая интеллектуальная развратница. Да, именно так. Немного пошлости, литературного изыска — и происходило то самое раскрепощение, когда женщина не только чувствует, что её хотят, но и понимает: её желания слышат. В этом не было грязи. В этом была красота таланта, проявленного в самой интимной области человеческой близости.

Я ею гордился. Именно ею, не собой. Был в восторге от того, что та, кого я уже внутренне выбрал и понимал это всё яснее, оказалась способна раскрыться со вкусом, смелостью и красотой. И точно знал — моя заслуга тут невелика. Во всём она сама. Как будто обладала этим изначально, и проявилась. Я не волшебник и не доктор. Я просто тот, кто видел в ней её.

— Елена Желанная величать тебя буду я.

По мотивам Елены Прекрасной. Но тут особый случай.

Так с тех пор она у меня и была записана.

Ведь от мужчины всегда зависит то, какой с ним рядом будет женщина, проявится ли вся. Гордится ли он ей, даёт понять что рядом с ней мужчина, и сила его в тихом знании себя, которая не давит, а равною себе её считает. И женщина цветёт, живёт и дышит всем тобой, сверкая для других, но лишь смотря в глаза тебе, мужчина знает — ты её, и выбрала она тебя.

Лена могла быть лёгкой, смешной, странной, обожающей музыку от классики до чёрт знает чего, каких-то там ёжиков, которые ****ся. Любящей книги про медицину и маньяков, женщиной с горящими глазами. И в то же время мы часто говорили о более вдумчивых вещах. Она могла и главное любила слушать о политике, цивилизациях, людях, устройстве общества, принимая всё это не как скучный фон мужских рассуждений, а как то, что дополняло её знания, мировоззрение. Я никогда не читал лекций, и слушатели мне не были

нужны. Мне приятно было делиться тем, что было ей полезно и интересно.

07 Без крыла

Обычные выходные. Лена привычно у меня, рядом. Я проснулся раньше. Для меня это дело привычное. Могу встать в пять-шесть утра, потом усилие над собою сделать и лечь обратно, чтоб не тревожить и сохранить всю тишину для человека рядом. И так всегда, встаю не потому что надо, а слушая себя.

Она так рано не вставала. Пока я умывался, сразу и не понял, что подошла она. Даже подкралась. Вода шумела, заглушая любой возможный звук, и появилась она почти незаметно. Тихо. Аккуратно. Одну руку положила нежно мне на левое предплечье, а правой провела кончиком пальца по спине, под линией лопатки. Чуть ощутимо, приятно.

— Болит ?

Я даже и не сразу понял, о чём вопрос. Не издавая звука, я повернулся к зеркалу спиной, чтоб разглядеть. А она уже сказала:

— Доброе утро.

И такова была — скрываясь тихо. И ощутил я лишь ухмылку её губ, не видя, но зная, что была. Пошла, попила воды и снова легла спать. Не её время.

А я остался смотреть на красную линию под лопаткой. Почти ровную, прямую, достаточно заметную, сантиметров десять общей длиною. Именно там, откуда, если уж шутить,

могло бы расти крыло. Сразу включился анализ. Откуда ? Первое, что пришло в голову, — Лена могла оставить этот след. Только привычки царапаться у неё не было. Да и я слишком чувствителен к физической боли. Если бы она так провела по мне ногтем, то я б заметил точно.

А тут и вовсе ничего. След есть, а ощущения нет. Ни памяти о нём, ни вот сейчас. Странно, конечно. Не маленькая всё же полоса, чтобы её просто не заметить. Но и значения большого я этому не придал. Есть и есть. Да и ладно. У меня так часто: если что-то кажется неважным, я быстро выметаю вон из головы.

Тем утром мы больше это не обсуждали. Уже потом, когда отвёз её домой, спустя некоторое время в переписке я вспомнил про царапину, послал изящную картинку, сказав: ну вот, теперь я знаю, что и откуда. На отрывке бумаги, карандашом, был изображён склонившийся, но с гордо поднятою головой, не сломленный, уставший, падший ангел, с одним крылом, всё как полагается. Мы посмеялись, перекинулись ещё лишь парой фраз, да и забыли.

Простая странность, не более того.

08 Он это он

Религия в наших разговорах возникала естественно. Не сказать чтобы часто, вовсе нет. Просто рядом с политикой, людьми, отношением к миру, к тому, что есть вера и чем она становится в мотивах человека, сама тема ложилась в общую канву. Вот и музей религии появился как-то сам собою. Чья была идея, уже не вспомню. Пришла к кому-то, мы пошли.

Музей замечательный. Достойный того, чтобы его посетить. И не раз, как мы после и сделали. Там ведь нельзя всё взять за один раз, за день всё сразу осознать, смешав внутри христианство, католицизм, буддизм. Правильнее идти по одному направлению, чтобы осталось полное впечатление. Не перебивая одно другим. Позже было у меня желание сходить ещё и на ислам, но всё не складывалось, и не успели.

Первым, что мы посетили, было христианство. Самая обширная экспозиция в музее. Был там и зал со статуей Христа, небольшой. Скорее даже пространство между большими залами, будто специально созданное для того, чтобы весь проход остановился в одной точке. Спокойный, приглушённый свет. И всё пространство будто принадлежит ему. Стоит Христос по центру, в полный рост, и можно подойти вплотную, дотронуться.

Я обошёл его вокруг, остановился со спины. Лена стояла перед ним. Смотрела на лик, и взгляд её наполнен был вни-

манием, понятным только ей. Переживание, и даже боль читалась. И продолжая словно сквозь него смотреть, негромко, как себе, но так, чтобы услышал:

— Он на тебя похож.

Речь не о внешности была. Вся сцена, тон голоса её — всё говорило об ином. Может, о внутреннем устройстве. Может, о том, как я сам говорил ей о религии, о людях, о том, что человек несёт, даже не зная сути. На проповедника я не похож, но понимал, о чём она. Наверное. И всё же это были её слова.

— Он это он, а я это я, — ответил ей.

Всё тем же тоном, что и она. Без надобности защищаться от сравнения, не отвергая сказанное, обозначая лишь себя как есть сейчас, не обесценивая всего того, что сказано мне было. Она перевела взгляд на меня. Смотрела из-за плеча Иисуса. И в этом взгляде было слишком много сразу: её душа, моя, его. Загадочная сцена.

— Он это он, ты это ты, — чуть тише повторила.

Как согласие. Как примирение. Как подтверждение того, что всё есть так. После она повернулась и не спеша пошла к следующему залу. Я ещё секунды три провожал её взглядом, оставаясь внутри произошедшего, и пошёл следом.

Больше мы это не обсуждали. Да и зачем. Сцена осталась в памяти и образе, чем то особым, запоминающимся. Этого было достаточно.

09 Времени мало

В один из совершенно будничных дней появилось очередное, новое, спокойное, проходящее будто фоном ощущение, очень тесно ложившееся на моё собственное восприятие времени — времени мало. Коротко. Ясно. Как знание, которому не требуется образ. Оно возникло внутри будто тихий фон, к которому не было необходимости прислушиваться специально.

Подобные вещи приходили мне именно так. Сразу. Целиком. В момент времени. Я их не выводил логикой, а узнавал. Можно потом сколько угодно объяснять себе, откуда, зачем, к чему, но это уже поздний анализ. Первое состояние всегда простое — пришло знание, я его тихо фиксирую. Хм, времени мало. Хорошо.

Лене я об этом рассказывал между делом, парой фраз. У меня ощущение, что времени мало. Она слушала, как слушала многое из того, что я ей рассказывал, подтверждая молчанием. Принимала к сведению и особого значения этому, как мне виделось, не придавала. Да и я сам не делал из этого события. Её реакция была в чём-то схожа с моей внутренней, была, вероятно, мне близка и не требовала обсуждений. Поставил внутри галочку, учёл, ещё обязательно обдумаю. Оно тогда жило само по себе. Как и говорил, образа у него не было, в отличие от всего остального. Простое «времени мало».

Знание обретенное сквозь простую фразу, само в себе, будто ни о чём, и при этом совершенно точное, как формула.

Всё происходящее мысленно всё больше отсылало к началу — «Небесный договор заключён». А суть его по прежнему была не уловима.

10 Суздаль

Наступало лето. В России это особое время. Здесь его, кажется, любят иначе, чем где-либо ещё, потому что зима часто ощущается не как отдельный сезон, а период сопровождающий как весну, так и осень. А лето оно всегда само по себе. Свет становится длиннее, воздух мягче и свободнее, люди выходят из себя наружу, и даже самый обычный день вдруг обретает себя ярче, заметнее. Люди начинают ощущать жизнь сейчас.

Однажды я уже был в Суздале, и воспоминание о нём осталось очень приятным. Небольшой город, зелень, холмы, на которых возвышаются церкви, спокойствие, русский дух и речка. Место давнее, далёкое уже для меня, и поехать туда вместе с Леной казалось прекрасной идеей. Я предложил. Она восприняла это с таким радушием, что сами сборы уже стали частью поездки. Глаза её сверкали, наполнялись счастьем при виде меня и того, что мы куда-то едем вместе.

Мы решили выбраться на неделю, может на полторы, может на две, как получится. Для нас это большого значения не имело. Было направление, был Суздаль, была машина и дорога, а значит, всё остальное можно было решать по мере движения. Первое место для ночёвки выбрали заранее, чтобы добраться спокойно, не спеша, и поехали.

Первую часть пути мы ехали по платной дороге. Тогда я

ещё не до конца понимал всю глупость этого выбора. Ведь если важна сама дорога, то вы лишаете себя огромного пласта вашего же путешествия. Платная трасса хороша, если нужно быстрее оказаться в точке назначения. Но если ты едешь именно путешествовать, смотреть вокруг, останавливаться, никуда не спешить, то выбор становится очевиден. Причём разговоры о плохих российских дорогах я, конечно, слышал неоднократно. Наверное, такие дороги где-то есть. Я до них, видимо, тогда ещё не добрался. Позже, достаточно путешествуя по России на машине, я чаще встречал дороги хорошие или как минимум вполне достойные. Не везде, не всегда, но уж точно не тот ужас, которым так любят пугать. Вторую проблему России я тоже подвергну сомнению. Но об этом как-нибудь позже. Самые неприятные дороги, как ни странно, чаще оказывались внутри самих городов. И вот это уже вполне ощутимая особенность, как и чем в городе занимаются и насколько человеку, заведующему хозяйством, вообще интересно, чем живёт его город.

До Суздаля мы добрались спокойно. Заселились, выдохнули и, конечно, пошли гулять. Город сразу дал то самое ощущение, ради которого мы туда и ехали. Он небольшой, зелёный, живой в своей старине. Множество церквей и храмов. Можно встать на мостике и, повернувшись на 360, насчитать глазами девять. И это лишь с низины. Они будто расставлены по холмам и улицам так, что куда бы ни направился, местность неспешно перетекает от одного к другому. Мы

не ходили по храмам, наслаждались именно атмосферой с ними в городе. Если заходили туда, то как люди, которым интересен дух места, внутреннее убранство, ощущение чистоты, которое возникает именно в храмах.

Я всегда замечал одну простую вещь. Там, где появляется даже небольшая церковь, всё вокруг становится чище. Особенно заметно в городе. Меньше мусора, и у людей меньше внутреннего желания бросить что-то под ноги. Человек может быть неверующим, может проходить мимо, не креститься, не заходить внутрь, но само место уже действует на него. Ему как будто становится чуть естественнее донести бумажку до урны, пройти спокойнее, говорить тише, идти внимательнее. И когда люди спорят против строительства храма в парке или сквере, мне всегда кажется, что они часто не понимают простого: рядом с таким местом им самим же потом будет приятнее ходить, просто даже мимо, но осознанно выбирая этот маршрут. Не обязательно верить, чтобы чувствовать, как пространство вокруг становится чище.

В Суздале мы много гуляли. Если надо было подальше, брали машину. Если близко, ходили пешком, и до центра доходили своими двумя. Там прекрасная речка. Взбирались на катамаран, плыли по воде, прыгали с него, купались и загорали на травке. Погода позволяла наслаждаться всем сразу. Солнце, вода, тепло, то летнее ощущение, когда хорошо просто от того, что всё вокруг живёт. На воде росли кувшинки, вдоль линии берега по обеим сторонам неширокой реки, а по

центру оставалась чистая гладь, и мы двигались по ней, крутя педали, будто специально оставленной для нас. Конечно, не обошлось и без суздальской медовухи, которую я помнил ещё с прежних времён. Брали именно безалкогольную, потому что весь вкус настоящей медовухи, как по мне, как раз в ней.

Самое основное время мы всё же находили для прогулок. Лена держала меня за руку, как и прежде прижималась близко-близко, и я ощущал, насколько всё по-настоящему. А из каждой части города слышался звон колоколов. То с одной стороны, то с другой, дополняя всю атмосферу места прекрасным ощущением чего-то своего.

Это путешествие стало для нас первым и, пожалуй, одним из самых запоминающихся. Мы ходили по музеям, поднимались к старым храмам, некоторые из них были закрыты, но всё равно хранили историю. Просто гуляя, забредали к необычным домам, проходили мимо табличек, останавливались, читали. Одна из них была особенно хороша. Архиерейская слобода города Суздаля, Досифеева башня семнадцатого века. А ниже подпись из указа: «А башню сию, где творился блуд непотребный, впредь именовать Свинячей». Пётр Первый, 1720 год. Лена с удовольствием позировала и на фоне таблички, и на фоне самой усадьбы, где, судя по всему, творились те самые непотребства. Ну а что, такова её история. Иногда она честнее любого путеводителя.

Уезжая из Суздаля, мы увозили с собой очень приятное

ощущение. Поездка складывалась даже не так, как мы ожидали, потому что особых ожиданий и не было. Нет смысла заранее окутывать себя образами того, как хочется, чтобы всё произошло. Жизнь всё равно сделает может не лучше, но уж точно интереснее. А было просто замечательно. Если бы я заранее хотел, чтобы поездка сложилась каким-то образом, она, пожалуй, так как есть и сложилась.

11 Дорога

Дальше мы уже решали, куда ехать. Захотелось побывать ещё в нескольких городах. В маршруте появились Ярославль, Владимир, Тверь. Москву решили обойти стороной. Мы оба понимали, что Москва для нас будет отдельным путешествием, и так оно потом и случилось. А тогда мы поехали дальше, в сторону Ярославля.

Вот там, на контрасте, стало особенно заметно, как по городу можно понять его хозяина. Тверь же оставила ощущение специфическое. Возможно, мы заехали не туда, возможно, не увидели тех мест, которые действительно представляют интерес, но дороги и общий вид города вызывали вопросы. Город может быть старым, сложным, неоднородным, но всё равно видно, занимается им кто-то или нет. И когда после этого попадаешь в Ярославль, контраст становится совсем ярким.

Ярославль поразил. Аккуратный, ухоженный, местами даже лучше Москвы по внутреннему ощущению. Город, в котором чувствуется хозяйская рука. Туда приезжают люди из других городов, приезжают иностранцы, свои и не только, да разные. Они ходят по улицам, поднимаются на смотровые площадки, смотрят на площади, едут не только по центру. И всё это оставляет очень прямое впечатление о России. Какая она, кто в ней живёт, кому что надо, а кому что нахрен не

надо. Если бы я выбирал город, в котором хотел бы пожить, Ярославль был бы одним из первых. Он поистине прекрасен.

На обратном пути, уже в Петербург, я для себя окончательно решил, что платные дороги мне не нужны. Куда приятнее ехать там, где видна сама жизнь по сторонам. Поля, леса, маленькие магазины, перекрёстки, светофоры, повороты, люди, остановки, мороженое на поребрике с видом из полевых цветов усеявших холмы. Сам путь и есть путешествие. Ехать и смотреть вокруг. Жить тем, что есть сейчас.

Мы ехали вдоль полей, засеянных рожью, вдоль высоких подсолнечников, стоящих по обеим сторонам, будто живые заборы. В них можно было войти как в лес. И мы почти так и делали. Останавливались где-нибудь у поля, проходили немного вглубь, расстилали плед, скрывались за колосящейся рожью и пропадали там.

То ощущение «времени мало» будто растворилось в этом лете. В дороге, прекрасных видах, колокольном звоне, её руке в моей, в той простой радости, где всё складывается само собою. Это был замечательный отдых, хотя отдыхать особо было не от чего, так уж устроена моя жизнь. Но впечатления остались поистине светлые. Поездка не обещала ничего сверхъестественного и не дала его, однако оказалась живой, настоящей. А по приезду в Петербург я отчего-то вспомнил Тверь. Как былое наследие чего-то ушедшего, но продолжающее жить всё по тем же законам.

У нас ещё оставалась половина лета. И мы знали, как его

проведём.

12 Полёт

Наступал день рождения Лены. К тому времени я уже успел рассказать ей, пожалуй, обо всех своих путешествиях и о том удовольствии, которое испытывал, просто находясь в пути. Автобус, самолёт, поезд, неважно, главное — место у окна и картинка за стеклом, будто сама движется вокруг тебя, а ты остаёшься на месте. В этом заключено особое состояние, очень мне близкое, когда сам полностью спокоен, а жизнь идёт рядом, меняя виды, города, мелькающие лица, казалось бы, случайных людей.

Лена понимала это легко. Ей также нравилось куда-то двигаться, ехать, смотреть, быть в этом общем течении. Именно поэтому наше путешествие на машине и получилось таким естественным. Мы не просто добирались из точки в точку, мы проживали этот путь. Вместе. А как-то раз она сказала, что ей хотелось бы научиться летать. Сказала почти между делом. Мы посмеялись, применив свои трактовки, но мысль я запомнил. Тогда имелось в виду не просто полететь, а будто бы оказаться ближе к самому управлению, увидеть небо не через иллюминатор, а так, как видит его человек, сидящий у штурвала. Тогда и пришла задумка — подарить ей, а по сути нам, полёт на небольшом самолёте. Для начала пусть просто окажется рядом с этим миром, увидит, как всё устроено, почувствует взлёт, высоту, открытое небо, маленькую землю

под собой.

Где-то в полутора часах от города был небольшой аэроклуб, с крошечной площадкой, простой взлётной полосой и небольшими самолётами. И именно этим место располагало к себе. Никакой холодной услуги, где тебя проводят, пристегнут, улыбнутся по инструкции и отправят обратно. Всё было камерно, живо, по-настоящему. Именно этого мне и хотелось.

Для Лены это был сюрприз. Да и для меня, если честно, тоже. Самолёт оказался совсем небольшим, на несколько человек, тесный, лёгкий и шумный. Сзади помещались только двое, и хорошо, что мы оба были достаточно стройны. Я в своём мужском обличии, она в своей миниатюрной аккуратности. Будь кто-то заметно крупнее, ему одному там было бы в самый раз. Пилот оказался разговорчивым, простым, увлечённым человеком. Рассказывал про самолёты, про мечты о более интересных аппаратах, про какой-то старый самолёт, который недавно купил и был очень доволен собой. А мы радовались за него, по-светлому завидуя — ничего себе, купить свой самолёт. Вот это да. Всё это только добавляло ощущения, что мы попали не на аттракцион, а в маленький живой мир людей, которым правда нравится летать.

Лена сияла. В ней был детский восторг и доверие происходящему. Страха не было и в помине. Она улыбалась, смеялась, смотрела вокруг, и всё в ней кричало от удовольствия. Мы всегда легко смеялись вместе, да и юмор у нас был об-

щий, не заумный, не плоский, а свой, под особым, подходящим именно нам углом зрения.

Когда поднялись, земля внизу раскрылась квадратами. Вокруг сплошные поля, дороги и маленькие посёлки, садовые товарищества с домами, аккуратными участками, где-то даже искусственным озером и ухоженным берегом из зелёной травы. Сверху всё выглядело почти игрушечным. С высоты такие места хочется рассматривать долго. Сразу начинаешь мечтать, где бы мог быть твой маленький дом, тихий, уютный, с озером рядом, пусть искусственным, зато не песок вокруг, а мягкая зелёная трава. Мы специально чуть ниже пролетали над такими местами, разглядывали их сверху, будто выбирали.

Я поглядывал на Лену. Не проверяя, нравится ей или нет, это и так было очевидно. Мне просто хотелось видеть, как горят её глаза, как улыбка не сходит с лица, как она впивается в мою руку от удовольствия, потому что мы делаем что-то необыкновенное. Для неё. Для меня. Для нас. И я понимал, что подарок попал точно. Когда близкий человек радуется так ясно, никакие слова благодарности уже не нужны. Всё читается по лицу, по дыханию, по руке, в которую она впивается каждый раз, когда пилот решает совершить очередной почти что кульбит. После полёта Лена с удовольствием позировала на фоне самолёта, вся ещё в этом восторге, лёгкая, счастливая, как девчонка.

А после полёта, насмотревшись на поля сверху, мы доеха-

ли до того, которое нам понравилось. Рожь стояла высокая, будто специально созданная для того, чтобы в ней можно было просто исчезнуть для целого мира. Залегли и скрылись во ржи. Уже потом заметили, что неподалёку в нашем поле работает трактор, убирает урожай. Стоило лишь скрыться и залечь во ржи, как порядочным людям, а сельхознадзор тут как тут. И чтобы никого не смущать, быстренько собрались и ретировались. Так и завершился этот день — светло, озорно, по-летнему.

Сейчас мне кажется, что это было наше с ней последнее настолько светлое воспоминание.

Глава третья: Первое предательство

01 Клуб Патриот

Лето продолжалось, и вместе с ним продолжалось наше общее движение не только по дорогам, музеям и городам, но и в те места, где мне самому давно хотелось оказаться, — в круг единомышленников. Я много говорил Лене о политике именно в ракурсе воззрений общества: почему одни люди видят в своей стране живой и, главное, близкий им организм, а другие смотрят на неё с вечным прищуром недовольства, будто им кто-то обязан был выдать другую родину, почище, покрасивее и желательно с европейской гарантией на покаяние. Причём от их же соотечественников.

Вокруг меня всю жизнь чаще оказывались люди именно такого склада. А я с прищуром смотрел на них. Даже ещё не вовлекаясь в тему политики, совершенно ничего о ней толком не зная, я просто ясно видел и ощущал, насколько глубок их самообман. Они могли годами слушать каких-то бездарей с микрофоном, вещающих о том, как в России всё плохо, и принимать это за Мысль с большой буквы. Взрослые люди, казалось бы. Смотрят, кивают, соглашаются, ибо

он для них авторитет. А я для них не авторитет, ведь у них есть такое важное, собственное мнение. И вот стою я рядом, человек из их же среды, знакомый, говорящий спокойно и по сути, но для них никто. Авторитет у них там, в экране, где очередной уверенный голос с выражением скорбной осведомлённости рассказывает, как правильно презирать то, в чём они сами живут.

Именно с тех пор, на протяжении одиночества воззрений длиной в прожитые года, я и уяснил, что спорить с кем-то совершенно бесполезно. Кто ты такой на фоне знающего и столь важно вещающего человека, совершенно пустого по сути своей и с полной верой в своё понимание. Зачастую людям слишком дорого своё мнение, приобретённое по стоимости интернета.

Лене я ничего не навязывал. Никогда. Я лишь наблюдаю, к чему человек сам тянется. А Лена тянулась. Она сама спрашивала, сама поднимала темы, инициировала. Ей действительно было интересно, что я думаю о происходящем в мире и стране. Я же рассказывал не просто о политике как таковой, а в более широком пласте — о настроениях общества, культурной составляющей нашего кода, о его утрате, приведшей многих к серьёзным заблуждениям. Поэтому мысль сводить её на встречу людей, которым эти темы тоже были близки, возникла и подогревалась уже давно.

Площадка называлась «Патриот». Находилась на Университетской набережной, 25. Это было детище Евгения Викто-

ровича Пригожина. В то время он передал это место для семинаров и встреч, и организовано всё было грамотно. Формально вроде ресторан, но переустроенный под площадку, где люди могли собираться, разговаривать, делиться мнениями и, главное, слушать мнения других. Небольшое количество столиков, людей немного, человек двадцать, может тридцать. Стулья приносили из зала, подсаживались друг к другу, и оттого всё сразу становилось живым. Там не было сцены в привычном смысле. Микрофон подключали, но слышно было и без него. Можно было поднять руку и высказаться не ради того, чтобы сказать, а перед людьми, которым ты мог посмотреть в глаза и увидеть интерес — вдумчивый, вкрадчиво осознающий сказанное.

Лена была рядом. Моя спутница. Она держалась естественно, непринуждённо, в своём образе застенчивой, но заинтересованной скромницы. Легко входила в новое для себя место, теперь уже моих интересов. Так же за столиком с нами сидел Паша. К началу мероприятия места уже почти все заняли, столиков мало, люди подсаживались друг к другу, и это было нормой. Мы сидели на скамейке у небольшого столика, рассчитанного вроде бы на двоих, но так как мы с Леной всегда садились рядом, половина пространства оставалась свободной. Поэтому когда к нам подошёл молодой человек и спросил, можно ли присесть, получил в ответ доброжелательное приглашение с уведомлением, что за стулом придётся сходить самостоятельно. О чём он, впрочем, и сам

прекрасно знал.

Статный, открытый, улыбчивый парень, лет около тридцати, с приятными манерами. Он сразу произвёл впечатление человека естественного. Просто подходит, спрашивает, улыбается, садится, если ему рады. Мы были рады.

Само место было по мне. Настоящий клуб по интересам, только интерес этот был не о том, где вкуснее кофе, а о вещах, которые уже тогда касались людей на Донбассе. СВО ещё не существовало как понятие и событие февраля 2022 года. Был Донбасс. Были люди, которые уже жили под ударами, отстаивая право говорить на своём языке и жить в мире с соседями, право быть собой на той земле, где они жили поколениями. И были те, кто им помогал — гуманитарно, добровольно, по внутреннему зову, без нынешнего большого государственного движения, без призывов, без привычных уже формулировок. Сейчас многим удобно начинать историю с февраля 2022 года. Всё, что было до, будто кто-то стёр ластиком, чтобы картина стала проще для их совести. Но до было. И именно это «до» многое объясняет тем, кто ещё способен не только смотреть, но и видеть.

На одной из таких встреч брал слово и я. Редко хочу что-то высказать публике. У людей есть свобода воли, они сами решают, куда им идти и чем руководствоваться. Я же всегда был тихим наблюдателем. Понимающим и видящим, но всё же дающим право каждому самостоятельно определять направление своего взора.

По большей части люди говорили о важных вещах — о помощи, о добровольцах, о причинах конфликта и изредка касались интересных философских ответвлений. О таком я и заговорил. Это было не выступление, а размышление на тему разницы ментальностей, укоренившихся уже задолго, но так и не понятых теми, кто воспринимает все славянские народы за русских. И речь не о тех, кто именно этому и способствовал на протяжении последних десятилетий, а об обывателях как западных, так и других стран.

Я делился своим опытом и личным развеиванием заблуждения, что наши соседи — те же русские, но с региональными особенностями, как по сути своей и должно быть. Говорил о том, что различие уже весьма серьёзное и поведение тоже кардинально различается. Говорил о том, что соседей теперь будут идентифицировать уже не как русских, и с одной стороны это плохо для нас всех, но в той же степени хорошо именно для общего русского народа, который наполнен русским духом, несёт в себе залог истинной свободы души своей, уважением к окружающим, дающим уверенное спокойствие тем, кто находится рядом. Потому что от русского человека все в мире ждут именно достоинства.

Свою речь я завершил мыслью: «Людям во всём мире будет суждено увидеть, какими становятся те, кто перестают быть русскими в душе своей, вне зависимости от национальности».

Конечно, речь моя была сбитая. Пишу чуть лучше, чем

говорю. Но суть передал именно эту. В глазах слушателей иногда видел непонимание сказанного, но чаще ту же скорбь.

Пообщаться с новым знакомым удалось немного. Во время самой встречи слушали выступающих, потом в перерыве перекинулись словами, разузнали, часто ли он сюда ходит. Оказалось, он тоже впервые. Это даже порадовало. Как будто все трое пришли в новое место, где можно было начать какой-то общий круг. После мероприятия поговорили уже чуть плотнее и договорились, что было бы хорошо здесь ещё встречаться. Мы обменялись телефонами — он дал свой, мы дали свои. Я был доволен, ведь началось наше общее обрастание тем кругом общения, которого мне всегда хотелось. Уже для нас. То, ради чего мы сюда выбрались, начало реализовываться прямо на наших глазах.

Позже мы бывали и на других политических встречах, ходили туда, где обсуждали острые и несущие вопросы. Для Лены раскрывался новый ракурс взгляда на всё то многое, о чём я ей лишь рассказывал. Моё видение обретало для неё более осязаемые очертания. Да и для меня самого тоже.

До начала войны оставалось чуть меньше года.

02 Молния

Лето близилось к концу. По меркам Петербурга могла бы наступить уже и полноценная осень, но в то время было достаточно тепло, с привычным ожиданием резкого похолодания. Обыденно находясь в домашнем тепле и уюте, я ходил из комнаты в комнату, от одного балкона к другому, размышляя сразу о многом. Для меня это привычно. Занимая место сидя, ход мыслей приостанавливается, поэтому часто предпочитаю находиться в движении, наматывая шаги по домашним квадратным метрам. Мне одному простора хватало. Ходил, размышлял, буднично и ежедневно о высоком и низком. Одиночество даёт свободу мыслевыражения. И вдруг. Будто молния, резко появившийся образ. Не визуальный, но понятный в сути — Лена. Денис. Связь.

Появилось в голове, вспышкой. Не как прежние знания, которые приходили глубже, как ощущения, требующие рассмотрения. Здесь всё было иначе. Как шифрограмма без необходимости распознавания. Мысль, но не своя. Я прекрасно себя знаю. Где моя мысль, как она формируется, как ощущается и думается, чем отличается от появления в голове догадок, теорий или фантазий. Всё это процессы, которые можно наблюдать. Это не было даже случайной внутренней ассоциацией, которая прилетела и тут же рассыпалась о контраргументы. Это было не моим. Пришло извне. Буд-

то загрузилось, резко окутав себя вниманием как инородный элемент. Вопреки обычному своему поведению, первым делом стал смотреть не на саму суть, а на механизм появления, так как когда появляется мысль, она уже имеет некоторые связи, из которых сформирована. Это тоже всегда вспышка, появляющаяся в пустоте, но тонкие нити от неё всегда, совершенно всегда, уже присутствуют. Мысль появляется с ними. Они связаны. Даже совершенно новые идеи не появляются вот так. А с идеями я дружу, есть что рассматривать. И вот в той же самой пустоте появляется простая мысль. Не идея. Просто мысль без единого собственного опознания в виде сопряжения. Мозгу она чужда, и тут же вокруг неё формируются новые связи, тянутся к ней, окутывая вопросами, логическими обоснованиями о самой информационной составляющей, но в это я не вглядывался. Намного интереснее был этот совершенно новый для меня механизм. Буквально за секунды я сделал свои выводы и отложил всё это за ненадобностью.

А того самого Дениса в моих мыслях как не было, так и не осталось. Это был наш общий с Леной знакомый, с которым мы однажды пересеклись, и человек показал себя с никому не нужной стороны. В одно время, пока я был не в лучшем состоянии, он решил проявить интерес к Лене. Весьма бесцеремонно, переступив рамки уважения к её мужчине. Подобные люди недостойны внимания. После этого он для нас просто исчез.

На следующий день начинались выходные. Лена приехала ко мне, как обычно, за очень редким исключением, когда она оставалась на выходные дома. Я встретил её у метро, мы зашли в пекарню за булочками, за чем-нибудь к чаю и для завтрака на утро. Чего-чего, а выпечку наши люди очень любят. И мы не исключение. К счастью, шире от этого становились разве что наши взгляды, а не мы сами. Привычное нахождение рядом. Тёплое, приятное.

Дома мы расположились на диване. У меня большой угловой диван, широкий, удобный, на нём можно устроиться как душе угодно. Лена лежала головой у меня на животе, кажется, нога на ногу, телефон в руках. Я просто сидел, откинувшись чуть назад, ни о чём не думая. К счастью, я так тоже легко умею. Даже находясь рядом с кем-то, можно находиться в собственной тишине. Она переписывалась. Я не пытался читать. В чужие сообщения глазами не лезу. Но взгляд иногда считывает то, что находится прямо перед ним. Не текст. Не содержание. Только верхнюю строку чата. Denis. Написано латиницей.

Вот тут вчерашняя молния вернулась. Как обычная мысль, уже знакомая, своя, со всеми на тот момент образованными с ней связями. Что, как, зачем и почему — на все вопросы уже были даны множество вариантов ответа в те секунды, вчера, когда эта мысль-молния появилась, как я её для себя обозвал. Интереснейшее совпадение, которое вдруг стало фактом перед глазами. Я посмотрел на имя и ровным,

спокойным тоном, уже с холодной нотой, спросил:

— Ты общаешься с Денисом ?

— Да, — ответила она тихо.

В этом «да» уже была вина. Смущение. Ощущение будто закушенной губы. Она поняла, что я увидел, поняла, что вопрос пришёл не из пустого места, и поняла, что теперь что-то уже стоит между нами. Я спросил:

— Вы виделись ?

— Да, виделись.

Коротко и достаточно.

Она привстала и села напротив, опустив глаза вниз. Справедливо ожидая вопросов, объяснений, может быть, разговора. А вопросов не последовало. Во всяком случае сразу. Потому что сам факт уже говорил больше, чем любые подробности. Общалась. Виделась. С Денисом. Всё.

Не было какого-то шока, удара. Я весьма хладнокровен по сути своей. Всегда делаю лишь выводы. Масштаб произошедшего уже пронёсся по всем составляющим сознания. А вот принять его не мог даже близко. И дело тут значительно глубже даже чем измена, которая сама по себе уже невозможна. Этот человек, с которым она решила продолжить связь, переступил рамки уважения ко мне как к её мужчине. А значит, переступил и через неё. Потому что мужчина, позволяющий себе так вести себя по отношению к тому, кто рядом с женщиной, не уважает и саму женщину. А женщина, которая не в состоянии даже этого распознать, хоть что-то знает

о достоинстве ? И Лена, вместо того чтобы поставить этому человеку границу, пошла с ним на контакт, не понимая сути: мужчина, принявший дар предательства другого от женщины, никогда не будет её уважать. И вот здесь возникал вопрос, на который у меня не было ответа: чего она ждала от меня после того, как сама не поставила границу там, где она была очевидна ? После некоторой молчаливой паузы сказала:

— Пожалуй, мне стоит поехать домой.

— Да, пожалуй, — ответил я.

Холодно. Коротко. И правильно. Она поехала сама. Впервые я не отвёз её.

03 Пауза

До дома ей предстояло добираться самостоятельно. Впервые дорога обратно осталась полностью на её плечах. Я закрыл дверь изнутри, направился прямиком на балкон, приоткрыл окно. Свежий, тёплый воздух. Это, пожалуй, единственное, что сейчас было в состоянии давать мне желаемую ласку. Удобно устроиться на лежанке всё не удавалось. Наконец найдя удобное положение, смотрел на променад, на людей, прогуливающихся неспешным ходом, детей, играющих в фонтане, который играл с ними, то увеличивая напор струи, то вовсе его убирая, внезапно вновь вырастая в рост человека. Детям это нравится. Мир продолжал своё движение, по крайней мере, за окном. Впереди оставалось ещё много подобных дней и вечеров, проведённых в одиночестве, которое я всегда так ценил, но теперь они играли совершенно другими оттенками. Поначалу я просто уходил в привычную мне тишину. Разбор пришёл позже. Да и разбирал я не столько ситуацию, очевидную и до боли понятную, сколько себя — ведь произошедшее лежало именно внутри.

К счастью или к сожалению, не ведаю, но весь привычный путь переживаний и терзаний я миную. Практически любое событие становится фактом, а сознание тут же разбирает его по составляющим, вывод появляется почти сразу. Доли секунды. Чувства приходят следом, своим слоем, но

первым работает понимание структуры события. Что произошло. Из чего состоит. Где причина, где следствие. Где глупость и в чём ответственность. Вероятно, потому как я более чем хладнокровный человек. И нет, животных в детстве я не мучил, речь совсем о другом. О восприятии. Эту свою особенность я заприметил ещё в пятом классе, когда прямо на моих глазах КамАЗ сбил первоклашку, перебегавшего дорогу на красный свет. Водитель оказался перед фактом — ребёнок кинулся под колёса. А я лишь холодно констатировал: «Сам виноват, бежал на красный». И одновременно с этим анализом будто записывал что-то про себя и о себе.

Я привык считать себя непробиваемым. Без единого слабого места. Меня сложно обмануть, обидеть, оскорбить. А тут будто обнаружилась ахиллесова пята, о которой не подозревал даже сам. Меня можно задеть. Изнутри. Затронув самое сокровенное, что есть, — истинное доверие. Эмоции были, но будто в вакууме, ожидая разрешения и лишь эхом отдавая тупой болью. Я ещё совершенно не осознавал, насколько глубока эта рана. Сидя на балконе, я вглядывался именно в эти невыпущенные эмоции. Только секрет в том, что, рассматривая их изнутри, в действительности они бьют гораздо сильнее, потому что наступить на твёрдую колючку просто больно, а смотреть на неё и сжимать в кулаке куда ощутимее. Иллюзия контроля, чем-то отдающая мазохизмом.

Всё, что было на поверхности, уже переварено, осознано, принято как факт. А вот внутреннего обоснования у этого поступка так и не появилось. Всеобъемлющая бессмысленность и глупость. Вся глубина произошедшего укладывалась в одно простое понимание — «Какая же ты дура».

Оставались вопросы к себе. Их было достаточно. Смотрю на себя со стороны, как на одного из участников события, без привилегий, разбирая собственную роль, свои действия, допущения, возможные ошибки. Просто и рационально. С вниманием к каждому слою. Мухи отдельно, котлеты отдельно. Всё как у нормальных людей. Первым поднимался самый очевидный пласт нашей близости, мысль о котором уже давненько витала в воздухе — а не слишком ли усердно, с моей подачи, она вошла во весь этот раж сексуальных игр. Научил на свою голову ? Приятно, конечно, думать о себе как о великом открывателе женских глубин, но увы. Я не гуру и не преподаватель. Всё, что проявилось, всегда находилось в ней самой. Я лишь оказался рядом в тот момент, когда она стала раскрываться. В ней проявились таланты, которым, при желании, быстро нашлось бы применение в прикладных сферах. Мы многое обсуждали, и в том числе мой былой опыт, достаточно специфический. Гордиться там особенно нечем, но Лена о нём знала. И вот здесь возникал вопрос, неприятный, но вполне логичный. Может быть, ей понадобился новый зритель ? Просто новый, восхищённый взгляд, новая сцена, новая возможность преподнести себя и получить ова-

ции. Не снесло ли ей крышу ?

Следующим, вытекающим вопросом было самообладание. И рассматривал я его на контрасте. Сексуальной энергии во мне всегда было более чем предостаточно. И речь тут вовсе не о распирающем изнутри желании, а о её присутствии, отражении. Как она проявляется во взгляде женщин, в их реакции, в том, как человек рядом вдруг начинает иначе держать внимание. Женщина это считывает быстро. Иногда быстрее, чем сама успевает понять. Мужская составляющая, внутреннее спокойствие, желание, которое существует в тебе и при этом не прыгает наружу. Всё это появляется куда раньше слов. Я учился жить с этим спокойно. С годами просто понимая собственную природу и, главное, моё отношение к этому. Желание было сильным, животного происхождения, и стояло в противовесе чему-то иному — духовному, гораздо более близкому мне по сути. Тем самым формировалось более глубокое понимание принципа, что наличие желания ещё не превращает женщину в возможность. Формула «взять, соблазнить, трахнуть и уйти» оказалась мне чуждой. Важнее оказалось как, а уже потом что. И я вам поясню — женщина редко, почти никогда, не ищет в мужчине только телесное, даже когда сама пытается убедить себя в обратном. В её отклике почти всегда живёт больше, чем простое согласие на близость. Там есть надежда, допуск, внутреннее примеривание, возможность увидеть в мужчине своего. Может быть, на один вечер, может быть, на всю жизнь, может быть,

на мгновение фантазии, но эта ключевая женская логика выбора всё равно включается. Мужчина, который этого не понимает, пользуется не женщиной даже, а её внутренним желанием быть выбранной.

Конечно, я в жизни многое упускал. Возможности, которым стоило лишь дать ход, сказать слова, нежно прикоснуться… И всё же внутри поднимался другой порядок. Уважение к женщине начиналось с уважения к её достоинству. Пусть даже в этот момент она и играет по правилам, выстроенным обществом. С Леной всё это обсуждалось как часть нашего общего понимания. И вот он контраст — было так много слов и, как мне казалось, понимания этой важной сути взаимоотношений мужчины и женщины, о которой не принято говорить, да и более того, никто этого особо даже не озвучивает. А на деле обнаружилась полная толерантность к собственному, победившему эгоизму. Выходит так. Морально-этический компас в действии. Человек кладёт на чаши весов то, что имеет, поистине значимое, и свои новые ожидания. Всё, что ещё недавно казалось столь цельным и светлым, теперь впервые давало совершенно другие оттенки. Свет начинал уходить в тень.

04 Яблоки

Что же это был за Небесный договор ? Он был. Это не являлось моей фантазией, даже полулёгким сумасшествием. Как и то, что начало приходить после него. Знания. Переоценить их сложно, однако недооценивать я тоже не собирался.

Первое было достаточно абстрактным, но с совершенно понятным внутренним контекстом. Образы мироздания. Три небольших дома, возле которых ходят человечки. Живые, настоящие, но будто и не живые вовсе. Ходят туда-сюда, почти бесцельно, и в них отсутствует та внутренняя искра, по которой человек сразу узнаётся человеком. Глиняные болванчики. Сейчас назвал бы всё это бутафорией, но тогда важен был не сам образ, а его понимание. Именно знание. Видишь одно, а понимаешь совсем другое, словно смысл приходит раньше объяснения.

С Леной я это обсуждал лишь между делом, в качестве шутки. Однажды утром она проснулась раньше меня. Для неё это было событие, потому что обычно первым вставал я. В то утро, выбравшись с кровати, выглядываю, а она уже удобненько устроилась на широком диване и ждёт завтрака. Я улыбнулся и сказал что-то вроде того, что вот, мол, первая женщина. Потом, уже между делом, откусив булочку, добавил, что Адам, оказывается, первым не был. Сказал и сказал. День прошёл по обыкновению замечательно, а потом она

вдруг вернулась к утреннему диалогу. Так и не Ева, говорит. Я сразу понял, о чём она, призадумался, а Лена продолжает, что у Адама первая жена была. Во как, подумал я. Хмм. Подобных обсуждений мы больше не касались, но среди дня, пока я ждал Лену у женской уборной, всплыло точное имя той первой женщины — Анэа. Первая жена Адама. Уже дома, ближе к вечеру, вспомнив про это, полез искать информацию. И да, у Адама, как оказалось, была первая жена. А вот упоминания имени Анэа не было совершенно нигде.

То утро было как раз после очередного знания. В этот раз оно пришло в полусонном состоянии. Возвышенность, поодаль видны всё те же несколько хижин у дерева. Стоит дом, перед ним женщина. Полноценно живая. Одухотворённая. Первая. Просто стоит и смотрит вдаль. В ней нет несуразных телодвижений, есть осмысленная грация. Чуть погодя образ меняется, и она входит в дом. Внутри дерево, словно встроенное в саму стену. Объёмное, ветвистое, почти до потолка. На нём крупные плоды с лёгким свечением. Яблоки, что ж ещё. Так для себя и отметил. Затем она спускалась к озеру. Небольшому, с горой или источником посередине, откуда вода стекала вниз, напоминая детский советский фонтанчик. Те самые человечки были там же. Без эмоций, почти без проявлений. Точно болванчики, не иначе. И знанием я возвращался к тому, что видел раньше, заключая — они первые.

Некоторые знания повторялись, будто с иного ракурса, не меняя сути, но добавляя деталей. И в повторениях было уже

больше узнавания, чем новизны. Та же деревенька на три дома, только у селян, тех самых первых людей, уже другие занятия. Всё те же нелепые движения, в которых я отчётливо видел не замысел, а интерпретацию. Стояли они уже не у своих хижин, а у дерева. Огромного, как дуб из русских сказок. Как вылитый с того, что был расположен в доме Анэи. И плоды те же, светятся еле-еле. От дерева идут золотые нити, будто незримые, но сразу узнаваемые как нити судьбы. Дерево это и жизнь даёт, и нитями к себе привязывает. И все зависимы от него. Над всем этим ощущался Бог. Скорее присутствием сверху, от которого на весь мир падала искусственная тень. Именно присутствие. Бог наблюдал.

Всё это походило на единое связанное знание. Как короткометражка, где сюжеты перепутаны в последовательности. Но раз за разом, просматривая всё заново и каждый раз немного иначе, получаешь некое образное понимание. Потом появляется Адам. Выкатился из большого дерева жизни. Помню ощущение какой-то хитрости, связанной с этим появлением. Потом был змей. Не как конкретный персонаж, а как образ. Яблоки он давал в доме Анэи. Не те, что висели на дереве, а другие, с самого верха, ярко-ярко светящиеся. И точно не было их ранее. И относились к нему со всей душою. Вот это точно. Многое как изначальный образ забывалось. Но не как сон. Знание всё равно оставалось со мной. И что по итогу ? Для меня ничего особенного. Ко всему подход рациональный. Знать-то знаю, а что мне с этим делать ? Внутри есть

целые сюжеты, отличные от обычного воображения. Приходят, уточняются, иногда возвращаются к одному и тому же месту. А в жизни рядом Лена, чай и булочки.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, как часто эти знания невольно проецировались на неё. А как иначе, вы бы не стали ? Небесный договор, знания, времени мало. Я должен был куда-то успеть ? Времени мало для чего ? Чтобы понять её ? Инструкцию приложить не забыли ? Или это она и была… Тем не менее ближе к концу лета ощущение «времени мало» исчезло. Оно всегда было ненавязчивым, а после нашего путешествия, уже находясь дома, я приметил, что не чувствую его так, как прежде. Сигнал, который ещё недавно был устойчивым фоном, будто растворился. И вместе с ним прекратились знания. Сидя и размышляя в один из вечеров, последовательность вдруг сошлась. Итогом стало предательство. Слишком связно для случайности.

05 Покаяние

Осень для меня всегда период серьёзных растрат. Расходы вроде плановые, но как комом обрушиваются разом. Ипотечное страхование, страхование жизни, продление доменов, которых у меня, как выясняется каждый год, снова больше, чем хотелось бы. Домены почти не используются, но я из раза в раз продлеваю их в твёрдой уверенности, что однажды они мне понадобятся. Когда именно — вопрос, конечно, интересный. Но понадобятся. Так и живём. К этому добавлялись автомобильные радости. ОСАГО, КАСКО и другие, теперь уже не небесные, а вполне осязаемые договоры.

И именно в такие дни сильнее вспоминались путешествия. Азия, билет в один конец, полное отсутствие плана, и только случай решал, куда тебе дальше. Прошло уже несколько лет с тех пор, как я возвращался из подобной поездки. Тогда всё было проще хотя бы в одном — берёшь билет, летишь, а дальше как сложится. Домены я, конечно, и тогда продлевал, но как-то их было поменьше. Со времён знакомства с Леной поприбавилось. Кстати, она периодически писала, интересовалась, как дела, как я, чем занят. Отвечал достаточно сухо, немногословно. Без обиды и мести. Просто исходя из того, что есть. Сказать, что полностью отстранился, совершенно не могу. Да, думал о ней. Где-то внутри желал восстановления былого. Но как было уже не выйдет. И

каждая мысль о ней лишь подтверждала это, отзываясь всё той же глухой болью. Совершенно лишней, появившейся как насмешка свыше.

Переписку она вела осторожно. Будто пыталась нащупать расстояние, на котором я ещё существую для неё не только как человек, которого она ранила, но и как тот, к кому можно ещё и ещё на шаг приблизиться. Все эти стратегии, уловки — мне понятны. В её сообщениях чувствовалась вина. И она прекрасно понимала, что держать дистанцию сейчас самое верное решение. Мы оба понимали, что разговор всё равно состоится. Я его точно ждал. Она была слишком вплетена во всё, что ещё недавно казалось своим и самым родным.

Добиралась она самостоятельно. В этом не было мелкой мести. Просто так было правильно. Когда она предложила увидеться, ответ был простым — доедь до меня. Погода позволяла прогуляться.

Я вышел заранее. День был спокойный, почти солнечный. Настрой, пожалуй, схожий. Когда Лена появилась, многое стало понятно ещё до слов. Она шла ко мне с выражением, которое трудно подделать. Не спеша, но и не заставляя ждать. Вся её обычная лёгкость ушла куда-то внутрь и стояла там, сжавшись, ожидая, что будет дальше. Я бы даже сказал, любой актёр именно так сыграл бы сцену вины. Всё по канонам. Шаркающий звук подошвы при приближении, опущенные глаза, взгляд исподлобья, голова чуть вбок. Говорю это не как укол и не как недоверие, а просто исходя из того, что

видел и что приходило в голову.

Она подошла и остановилась рядом. Я смотрел на неё спокойно. Готовой речи не было. Желания ударить словом тоже. Всё это уже произошло внутри меня раньше, там, где событие стало фактом, а факт был разобран до последнего доступного слоя. Теперь передо мной стояла она. Уже одно это имело значение. Живая, настоящая, со всем багажом того, что с ней произошло внутри. А пока она молчала. Я тоже не торопился. Затянувшаяся пауза была бы явно лишней. Предложил пройтись. И мы пошли, пока что молча, с ощущением, что она старалась быть как можно незаметнее и ждала вопросов.

Спросил прямо о том, что волновало больше всего. Зачем ? И честно, я даже не помню сейчас, что она ответила. А значит, ничего конкретного она так и не сказала, на вопрос ответить не смогла. Само её присутствие говорило за неё. Помню, что-то объясняла. Тяжело, сбивчиво. Приходилось прислушиваться. Мне нужна была простая искренность, сожаление. Его я увидел. Вероятно, она почувствовала смягчение по отношению к себе и уже более громко и чётко, смотря на выложенный красный кирпич под ногами, сказала: «Это было лишь раз».

Фраза прозвучала почти беспомощно. Не как попытка уменьшить сделанное, хотя, конечно, по смыслу именно это и означала. Скорее как единственное, за что она могла ухватиться, чтобы не утонуть окончательно в собственной вине.

«Лишь раз», — повторил про себя. Решающий так многое раз. Я слышал это и понимал, что арифметика здесь мало что меняет. Один раз, которого достаточно. Она очертила границы дозволенного себе и того, за что сейчас каялась.

Я задавал вопросы. Не все сразу и не устраивая допроса, хотя внешне это могло бы выглядеть именно так. Просто мне нужно было получить понимание. Помню, задал вопрос: «Почему этот человек ?» Ответ оказался удивительным для меня: «Он такой спокойный и уверенный в себе». Это просто лишало дара речи. Хотелось отправить её прямо здесь и сейчас обратно домой. Спокойный и уверенный, но без мужского достоинства. А спокойствие и внутреннее довольство, видать, за мой счёт. Хреновый у тебя вкус, Лена, подумал, но промолчал. Всё же она тут, и мне с этим теперь что-то надо делать.

Несколько раз я видел, как ей хотелось приблизиться, дотронуться до меня, взять за руку, но она не решалась. И правильно не решалась. Этот жест был ей сейчас недоступен. Его можно только дождаться. Она это улавливала. Я смотрел на неё и постепенно видел главное — это было её покаяние. В какой-то момент я сам сделал шаг к ней и обнял. Не потому, что всё стало хорошо. Совершенно нет. Просто иначе уже было нельзя. Она будто только этого и ждала, но боялась надеяться. Прижалась сразу, крепко, почти вцепилась, как человек, который долго стоял на краю собственного падения и наконец получил возможность удержаться. Я чувствовал,

как она дышит, сначала в плечо, потом в шею, как напряжение в ней начинает ломаться, как всем существом она пытается сказать раньше слов то, что голос ещё не способен произнести.

— Я твоя, — сказала она. — Я только твоя. Вся твоя. Слышишь ?

Слышал. Конечно, слышал. И от этого становится только сложнее. Ответил молчанием и крепкими объятиями. Просто держал её в руках и верил ей. Я не имел ни права, ни желания разрушать это одним движением. Даже если внутри уже знал, что прежнего не будет. Даже если где-то глубже уже закрадывалось то, что уже сформулировал, но не мог принять. В тот момент важным было другое — Она пришла и просила доверия. И это доверие ей было дано. Не прежнее, чистое, но безусловное.

06 Закрытый источник сути

Она снова была рядом. Мы виделись, переписывались, разговаривали, гуляли, пили чай и обсуждали какие-то простые вещи. Мы восстанавливались. Скорее я. Человеку со стороны, возможно, вообще ничего особенного бы не показалось. «Всякое бывает, дело-то житейское». Только вот от бытового и житейского тут и духу не было. Я продолжал размышлять обо всём этом, а тем временем осень всё плотнее давала о себе знать. По меркам Петербурга она уже полноценно вступила в свои права, когда серое небо наполняет воздух влагой и появляется привычное ожидание резкого морозного похолодания. К счастью, холодный серый мандраж для меня давно остался в прошлом. После путешествий, тёплого климата и накапливающегося понимания себя любая погода стала почти желанной. Прежнее недовольство приближающейся зимой сменилось улыбкой на любое проявление погоды.

Я смотрел на неё и видел всё ту же Лену. Вспоминал, как она вошла в мою жизнь, казалось бы, простыми и понятными вещами — лёгкостью, добротой, книгами и театрами, желанием быть рядом. И одновременно видел уже другую сторону, как сквозь туман. Сам туман не стоял между нами каждую секунду, скорее оставался искажением в стекле, через которое всё ещё можно смотреть на свет. Мир вокруг был

всё тем же, только взгляд мой цеплялся уже за чуть иные его проявления.

Наши беседы, как и раньше, были живыми и полными понимания. «Мне видится, что я могу стать не столь интересным для тебя, как раньше, когда делился новым, рассказывал то, что делало меня для тебя тем, кого ты узнала в начале нашего общения», — сказал я. Последовавший за этим диалог свёлся к смыслам привыкания людей друг к другу, когда все истории уже рассказаны, и ты видишь рядом уже не кладезь новых эмоций, а привычного, своего человека. Однако я подразумевал иное, что озвучивать не требовалось. Я мог говорить с Леной о политике, людях, обществе, вере, мужчинах и женщинах, о том, как устроены мотивы человека, их желания и внутренние противоречия. Но то, что раньше текло к ней само, теперь будто упиралось в невидимую преграду. Раньше Лена слышала от меня суть, принимала её, впитывала, а теперь остались лишь слова, которые она могла услышать где угодно. Та самая суть оставалась лишь по поверхности. Она не перестала пониматься ею, но перестала доноситься мной.

Лена слушала, соглашалась или оспаривала, оживлялась в диалоге. Она могла быть внимательной и включённой, просто источник сути, обращённый к ней, перестал течь. Говорить я мог. Доносить смыслы — уже нет. Незримый внутренний запрет. И это не было моим выбором. Я не закрывал её для себя сам, скорее видел, что прежний принцип доступа,

казавшийся естественным, перестал функционировать. Может, у неё просто закончилась подписка ? Хмм, хотелось бы продлить. Это вполне сочеталось со всеми остальными происходившими странностями. Воспринял это просто и естественно. Нужно было только время, чтобы принять всё таким, каким стало теперь. И я всё пристальнее вглядывался в ту, кто привносила в мою жизнь такое специфическое разнообразие.

Глава четвёртая: Облик тумана

01 Под ликом Божьим

Первые числа января были такими, какими и должны быть на мой взгляд, — несильный, но устойчивый мороз в диапазоне минус пяти — минус десяти градусов, обновляющийся снежный покров и еле заметный ветер. Пожалуй, замечательное время для того, чтобы люди наслаждались зимними прогулками. Тем более в посленовогодние дни январские выходные — это всегда лотерея. Помнятся и дождливые годы, где от снега нет и следа. Или такие морозы, что даже получасовая прогулка вызывает поиск серьёзных доводов для того, чтобы на неё отправиться. В этом году всё было как надо. В центре города проходили ярмарки, возвышались возведённые ледяные горки не только для детей, но и для взрослых, удовольствие которых зачастую превышает детский восторг. Я же заранее предложил съездить в Кронштадт. Там не так давно открылось новое место для прогулок и отдыха, прямо рядом с величественным храмом, который мы обязательно должны были посетить.

В первые дни января я поехал к Лене домой. План был простой и приятный — забрать её и провести эти дни вместе так, как мы и запланировали. У Лены дома сразу чувствова-

лось, что Новый год для детей у неё не ограничивается ёлкой и подарками. Она всегда готовила им квесты. Придумывала задания, подсказки, замысловатые пути, которые должны были вести от одного ключевого места к другому, от записки к записке, приводя в итоге к разгадке. Что-то рисовала, вырезала и прятала в самых неочевидных местах, заранее продумывая, как они будут искать, удивляться, радоваться своей смышлёности. Это очень отличало её от других женщин, с которыми я был знаком, — не просто дать ребёнку подарок, а создать вокруг него событие. Сделать так, чтобы праздник стал не датой в календаре, а живым приключением, где кто-то заранее подумал о тебе с любовью и фантазией.

Она была замечательной мамой, без преувеличения. Это проявлялось в самом важном — в мелочах и внимании. Я видел в ней это и очень ценил. В такие моменты Лена раскрывалась совсем в другом, очень тёплом качестве. Инженерная точность, любовь к головоломкам, способность выстроить цепочку подсказок и её женская забота соединялись в одно. Мне тоже довелось пару раз участвовать в подготовке этих квестов. Где-то делился идеями, где-то помогал клеем и ножницами. За годы в доме все ходы и лазейки были известны. Требовался новый, незамыленный взгляд. Знали дети об этом или нет, не имею ни малейшего понятия. Да это и не имело значения. Мне было приятно быть частью того, что она делала для них.

Наступило третье января. Мы собрались в запланирован-

ную поездку до Кронштадта. Этот день был для нас особенным. Ровно год назад мы встретились. Всего год, казалось бы. Для меня это был вовсе не мимолётный год. В моём ощущении времени доходил уже год этак третий-четвёртый. Он был настолько плотным, что уже составлял целый пласт жизни. Ехать до Кронштадта было весьма прилично, но дорога нас особо не смущала. И по привычке, и по внутреннему отсутствию желания быстрее приехать в назначенное место. По сторонам были белые пейзажи города, дорог и равнин Финского залива. Обсуждали храм. Лена там уже была и говорила, что он очень красивый. Учитывая нашу общую любовь к тому, чтобы заходить в храмы, он сразу оказался первым местом, куда нужно было попасть.

Когда мы доехали, машин вокруг было много уже задолго до самого храма. Зима, мороз, пусть и не сильный, январские выходные, и всё же желающих попасть туда хватало. Храм стоял на обширной площади и в центре её выглядел величественно. Поистине монументальное строение. Внутри впечатления только нарастали. Всё вокруг подталкивало окинуть взором поднимающуюся всё выше и выше стать архитектурного благоговения, пока не начнёшь ощущать заботу и внимание, прикованные к этому месту.

По обыкновению мы пошли каждый в свою сторону. Храм — это место уединения и единения. И в этом наши взгляды с Леной соприкасались. Мне было комфортно в храме быть одному, внутри себя, даже если рядом тот, кто дорог.

Неспешно обойдя каждый свою половину, мы лишь встретились глазами, проходя мимо друг друга. Обойдя весь обширный массив, сошлись вновь в самом центре, медленно приближаясь друг к другу. Я аккуратно и незаметно взял её за руку. Она хотела чуть отдёрнуть руку, улыбаясь и хитро глядя на меня, давая понять, что держаться за руки в храме неприлично. Я это знал, но руку её придержал и, чуть приподняв за пальцы, левой рукой показал ей кольцо, так чтобы его увидела лишь она, сжимая его тонкий изящный силуэт меж двумя пальцами, обнажая лишь скромный бриллиант, венчавший кольцо.

— Я предлагаю тебе стать моей супругой, — с хитрой улыбкой и блеском в глазах, так, чтобы слышно было только ей одной, произнёс я.

Согласие я получил в тот же миг. Такое же, почти незаметное, но искреннее до сжатия удерживаемой мной её ладони. Глядя ей в глаза, слегка приподняв бровь и направляя указательный палец вверх, я сказал:

— Под взором Божьим.

И мы одновременно подняли взгляд наверх. Лик Божий, изображённый по всему обширному куполу, опускал свой взор на каждого, кто присутствовал вместе с нами в этот момент. Никто даже не заподозрил того, что рядом с ними произошло, став молчаливым свидетелем лишь по воле Божьей.

Ранее мне не приходилось наблюдать в храмах подобного изображения прямо на куполе, во весь купол. Когда же, лишь

войдя в храм и окидывая его взглядом, увидел этот Лик, то воспринял, казалось бы, случайный выбор храма как приятное и очень говорящее стечение событий и намерений.

Выйдя из храма, мы направились в парк, который открылся совсем недавно и занимал прекрасную территорию рядом. Уже можно было держаться за руки спокойно, идти рядом, дышать, смотреть по сторонам и постепенно осознавать произошедшее. По внешним признакам я чувствовал в Лене лёгкое смятение. Это было вполне понятно. Радость на её лице тоже была. Мне и самому стоило осознать всё, что сейчас произошло. Мы просто шли в одном направлении, вместе, и это «вместе» звучало так же, как и всегда, естественно, как и было всегда, и лишь снег хрустел при каждом новом шаге.

Я сделал то, о чём когда-то думал, что в этой жизни со мной вряд ли произойдёт. Я выбрал её. Предложение было лишь его формальным подтверждением. Вероятность того, что я смог её встретить, могла составлять какие-то невероятные доли процента. Я вполне был готов прожить жизнь в одиночестве без капли сожаления. Одиночество я всегда любил и умел им пользоваться, находясь в своей тишине, в своём устройстве мира. До тех пор, пока не встретил человека, чью руку теперь держал в своей. А она держала мою руку так же крепко, как держала каждый день, когда мы встречались и шли куда-то в одном направлении. Она стала тем невероятным по своей невозможности выбором, который я мог сде-

лать лишь один раз в жизни.

02 После храма

После храма начался новый этап. А для меня с храма — так и вовсе новая глава. Прошедшие полгода были одновременно хорошими и странными. О моём отношении к случившемуся уже сказано достаточно. Доверие было дано ещё летом, однако внутренние размышления окончательно меня не покидали. Я объяснял их своей привычкой тщательно оценивать происходящее, особенно когда речь шла о человеке, столь для меня значимом. Казалось, психика продолжала самостоятельно просчитывать множество вероятностей, тогда как сознание своё решение уже приняло. Иногда я даже корил себя за это, считая подобные проверки неспособностью вовремя остановить бесконечный анализ. Именно поэтому храм стал для меня точкой определения. Этим шагом я окончательно утверждал уже сделанный летом выбор. Он стал внутренней печатью. Такой шаг возможен для меня только при истинной вере в человека.

Именно поэтому её общение в сообществах сексуальной направленности воспринималось мной как часть доверия и как область, где мог проявиться и реализоваться её искренний интерес в этой области, который я по прежнему воспринимал с точки зрения ответственности человека за то, что она делает. Что это если не безусловное доверие ? Не слепое следование чужим прихотям, а объективная оценка способ-

ностей, её проявления. Мне не нужен повод для надзора, я видел возможность.

Она была действительно увлечена, рассказывала какие разговоры там возникают, какие вопросы поднимают женщины и мужчины, их сомнения и желания. Мы и сами говорили об этом достаточно. Я делился с ней своим пониманием, разворачивал темы глубже в той мере в которой мог уже ей это предоставлять, помогал находить язык, фантазии и их смысловые обоснования. Мне виделось, что она может женщин обучать словами. В этом был огромный потенциал. Отчасти мои воззрения начинали жить через неё, но я не воспринимал это как своё авторство. Мне было радостно видеть, что она способна брать мысль, пропускать через себя и уже своей речью обозначать то, что могло лечь на умы других женщин как нечто действительно новое и важное. Она была волонтёром по сути своей, всегда помогала, так пусть же помогает с интересом.

И вот на этом фоне, 13 января, вскоре после храма, спустя каких-то десять дней случился первый болезненный откат.

Лена долго не отвечала на сообщения именно в то время, когда у участников этих чатов проходила какая-то активность, связанная с очными встречами. Формально у меня были только совпадения, но внутри всё резко перевернулось. Я спросил её прямо, была ли она там. Она отвечала со всей возможной искренностью, что нет. Не обвиняла меня, не срывалась, не уходила в агрессию, а будто пыталась

быть настолько убедительной, насколько могла. И от этого мне стало ещё тяжелее. Совсем недавно я сделал ей предложение, поставил для себя точку доверия, а уже через такой малый срок снова принёс ей свои подозрения. Потом я очень сильно корил себя за это. Казалось, что я аккуратно, но всё же тычу человека в собственные домыслы. И тогда мне хотелось видеть проблему прежде всего в себе. Будто это я не выдержал своего же Выбора.

03 Семейный ужин

Вскоре мы с Леной пришли к моим родителям на семейный обед. За столом были мама, брат, другие члены семьи. Мы прошли вдоль стола и устроились ближе к брату. Он и мама сидели на торцах стола друг напротив друга. Это всегда были их места. Жена брата обычно сидела слева или справа от него на углу, а его дети там где поближе к чему-нибудь вкусненькому. Стол всегда был не маленький.

Мама очень вкусно готовит. Это не комплимент из вежливости, а простой факт, который трудно оспорить, если хоть раз оказался за её столом. Мы выросли в Ташкенте. Я, брат и сестра там родились. Минуя времена крепкого союза государств, родители нас оттуда увезли, так как помню даже в магазине мне, мелкому совсем, в магазине говорили — пока не скажешь на узбекском, хлеб не продадут. Может это был юмор, но я тогда уходил, гордый и непоколебимый. Собственно кухня у мамы во многом восточная, поэтому и блюд всегда много, всё сытно, продуманно, по-домашнему. Если мама готовит, значит стол будет полон.

Мы беседовали, и ели, ели, снова ели… пока еле-еле не выползали из-за стола. А мама всё подносила «Чтоб было горяченькое». Темы разговоров были разные, смеялись о том что смешно или вспоминали детские шалости. Учитывая Лену рядом, то родители вспоминали и наши. Брат был тихим,

чего не скажешь обо мне. Слишком любопытный и вредный, чем зачастую доставлял неприятностей всем вокруг. Истории в основном были обо мне. Как подарки находил куда бы их не прятали, как по шкафу как по лестнице из полок залазил на антресоль, как торт приготовленный на день рождения брата достал из самых закромов холодильника и сожрал весь крем сверху, обидев конечно брата, но истории лились, а Лена всё слушала.

С ней я был за семейным столом всего пару раз. Тогда я только начинал знакомить её со своими родственниками, вводить в тот круг, куда приводят человека уже совсем другого значения. Я к тому времени дал понимание, что это тот человек, которого я выбрал в этой жизни. Мама видела и знала моё отношение к жизни, достойное отношение к женщинам и, хоть тяжко, но всё же принимала факт того, что у меня никогда не будет своих детей. Поэтому и не родным она была бы очень рада.

Брат начал выползать из-за стола, кряхтя, почти недовольно. После подобных историй явно надо перевести дух. Есть у него некоторые вредные привычки. Курение, к примеру. У мамы сигареты курить нельзя, так что он обходился современными электронными аналогами и время от времени выходил на балкон. Обычно, когда он вставал из-за стола, то звал и меня с собой пообщаться. В этот раз я был с Леной, поэтому он молча пошёл один, а наше застолье продолжилось. Через некоторое время мама попросила меня что-

то принести, и выползать настала моя очередь. Брат всё ещё сидел на балконе. С момента, как он отлучился, прошло уже достаточно времени. Я подошёл, присел рядом, и мы, как обычно, начали разговор. Он спросил, как у нас с Леной, как жизнь, что вообще происходит. Обычная братская беседа, какие у нас временами случались. Близкими в привычном смысле мы с ним никогда особо не были. Он всегда в себе, лишнего не скажет. Мы слишком разные. Он с сестрой в отца, а я в маму. Но разговоры всё равно бывали, простые, короткие, без больших откровений. Он предпочёл ещё посидеть, а я пошёл выполнять мамино поручение.

Настало время собираться. Мне ехать до дома через весь город, первоначально завезя Лену, поэтому собрались мы первыми. Время шло к вечеру. Провожать к двери пошли всей семьёй. Обнялись, попрощались. Всё тепло, по-домашнему, спокойно. Мама доброжелательно пожелала видеть Лену почаще и с надеждой посмотрела на меня, а брат перед самым уходом сказал:

— Ну пока, пока, ещё увидимся.

Тон был странный, чуть не к месту. Сказывался алкоголь за столом. Он любил коньяк. Казалось вечер прошёл хорошо. Лена была тихая, уставшая. По дороге много не говорили. Мне же застолья давались всегда не просто. Общение тет-а-тет всегда ближе. Об этом помню и думал уже по дороге домой, не спеша преодолевая свои 60км до дома, уже без Лены.

04 Первые уколы

После семейного ужина жизнь ещё некоторое время держалась в понятных очертаниях. Встречи, переписки, разговоры, обычные дни, попытка жить из того выбора, который был сделан ещё Храме. Я очень хотел, чтобы этот выбор работал не как красивая сцена под куполом, а как внутренняя основа дальнейшего. После всего, что уже произошло, после своих подозрений и последующего самоукора мне особенно важно было не превращаться в человека, который хватается за каждую тень с дальнейшим подозрением. Но ближе к концу зимы в её словах начали появляться странные оттенки. Сначала едва заметные фразы в переписке прозвучавшие чуть менее очевидно чем хотелось, оставляя внутри какую-то расплывчатость, то ответ, в котором вроде ничего особенного, а после думаешь сколько смыслов было в него заложено и какой из них верный. Интонация, те же улыбочки в переписке, который особо и не к месту. Иногда мне казалось это даже особой формой издёвки, но еле-еле так, скорее укол булавкой. Такой, на который даже ссылаться трудно, а выяснять себе дороже, будто придираюсь к пустякам. Промолчишь — и оно останется внутри, накапливаясь.

Помню один из таких случаев. За окном совершенно точно не было жарко. Январь или февраль, отопление в помещениях — вот и весь источник тепла. Ближе к концу рабо-

чего дня на мой обычный вопрос о том, как прошёл день, Лена вдруг отвечает что-то вроде «Ух, ну и жаркий сегодня денёк, я вся горячая». Только вот между нами в этот момент не было сексуального подтекста, мы ничего подобного не обсуждали. А сказано будто с лёгким двойным дном. Для чего ? К чему ? Какие мысли в этот момент были у неё в голове и что она вкладывала в эту фразу отправляя её именно мне ? Может, она действительно просто устала, перегрелась в кабинете, шутливо описала состояние. А может, продолжала какой-то свой внутренний диалог, начатый вообще не со мной. Учитывая её общение в чатах сексуальной направленности, такая мысль сама напрашивалась, хотя и там, как мне казалось, речь по большей части шла скорее о размышлениях, границах, женских вопросах, а не о дешёвых перекидываниях фривольными контекстами. Но сама тональность уже заставляла прислушиваться.

Похожим образом прозвучала и другая история, когда начальник вызвал её к себе и похвалил. Казалось бы, обычное рабочее событие. Руководитель отметил работу, человек поделился. Только подано это было с таким оттенком, будто похвала имела какой-то дополнительный результат — Похвалил так похвалил. И снова я не мог сказать, что здесь прямо есть сексуальный контекст. Его вроде бы нет. Однако я слышал именно его. И мне становилось некомфортно уже не от конкретного факта, а от общей тональности, где речь о коллегах, примечающих её привлекательность, но вот только с

особой стороны, её фразы и в целом моё положение рядом с ней, начинали складываться в крайне неприятный фон. Всё чаще появлялось ощущение, что с Леной происходит что-то, чего я не понимаю. Возможно, это её психологические реакции после всего пережитого. Возможно, последствия нашей трещины. Возможно, мои собственные внутренние перекосы после удара, который я всё ещё старался считать уже пройденным. Тогда мне было проще искать проблему в себе. Так честнее. Человек, которому ты подтвердил доверие, не должен каждый раз становиться подозреваемым только потому, что внутри тебя что-то изменилось.

И тут поневоле вспоминались наши разговоры ещё с прошлого лета о странном поведении её коллег по отношению к ней. Тогда я пытался объяснить Лене, что многое из происходящего связано с её собственным позиционированием. Я ещё думал, будто она чего-то не понимает, будто наивно не видит, как считываются некоторые жесты и реакции мужчин. Она рассказывала, например, как начальник заходил к ней в кабинет, когда она оставалась одна, и выключал свет. Будто просто зашёл и выключил. Вроде бы мелочь. Но я уже тогда говорил ей, что это вульгарное отношение. Мужчина так себя не ведёт с женщиной, если воспринимает её исключительно как коллегу. В этом есть демонстрация, намёк, проверка реакции. И если женщина позволяет подобному оставаться в рамках игры, то она тоже участвует в этой игре, даже когда делает вид, что всего лишь не придаёт значения. Лена тогда

отвечала, что ничего такого там нет. Смотрела на это проще. А я видел не проще, а как оно есть.

Был и другой коллега, который звал её прогуляться ближе к воде. Их предприятие находилось не так далеко от Финского залива, но путь туда проходил через промышленную зону, и само предложение выглядело странно. Это не красивая набережная, не парк после работы, а какой-то рабочий, полупромышленный маршрут к воде. Ещё кто-то звал её в кино, и что в этом такого, но меня больше тогда заинтересовала её на это реакция, учитывая что уже существовал я. Тогда говорил ей, что другие женщины, её коллеги ведь тоже видят, как мужчины на работе обращаются именно к ней, какого они о тебе мнения, ты осознаёшь ? Видят эти предложения, интонации, особое внимание. Неужели её это не смущает ? Она говорила, что ничего плохого в этом не видит. И ко всему прочему вспоминался её рассказ о новогоднем корпоративе. Там, по её словам, с ней многие пытались потанцевать, будто внимание мужчин естественно собиралось вокруг неё. И как бы так оно и было. Само по себе это ещё можно было бы воспринять как обычную рабочую историю. Люди выпили, праздник, музыка, танцы, кто-то проявляет симпатию, кто-то теряет меру. Но дальше, когда Лена уходила, один из коллег увязался за ней и достаточно громко бормотал что-то вроде «Ух, я бы хотел, чтобы она меня оттрахала». И вот это всё уже реально вызывало вопросы.

Тогда я ещё пытался воспринимать всё это как её недоста-

точное понимание границ, как девушка которая после долгого и закрытого в плане общения замужества вдруг оказывается в среде где мужчины просто проявляют внимание и не более того. Вот только не девочка уже, а вполне себе взрослая женщина с детьми.

Сейчас же те разговоры возвращались в другом качестве. Они становились значащими. Слишком значащими, чтобы считать их обычными рабочими историями. Я всё больше думал, что дело было не в наивности. Она всё понимала. Понимала, какое отношение вызывает, понимала, какой интерес поддерживает, понимала, где мужское внимание перестаёт быть нейтральным. И всё равно не пресекала подобное, будто оно ей было нужно. А то, что рядом есть мужчина, которого подобная её включённость ставит в неприятное положение, пусть даже он не в курсе, похоже, даже не становилось для неё каким бы то нибыло вопросом к самой себе.

Вот так туман и приобретал вполне осязаемый облик. Не конкретными событиями, а отношением. Маленькими смещениями в голосе, двусмысленными фразами, рабочими историями, тем, как она рассказывала о чужом внимании, и другими мелкими нюансами в которых даже может ничего и не было, но я уже рассматривал каждое через призму отношения к себе, на фоне контраста своего к ней. Внутри меня всё чаще возникал вопрос — если хотя бы часть моих домыслов окажется соответствующим действительности, то что же с ней начало проходить ?

И в то же время, когда она оказывалась рядом, она становилась сама собой. Той для кого я куда больше чем просто дорог. И это не подделать. Я это видел и слеп не был. Мы говорили обо всём этом.

Написать книжку легко: набросал разных воспоминаний, и они становятся тут же понятными и очевидными. А происходило всё медленно, почти незаметно, лишь окутывая непонятным ощущением собственной неправоты, когда внутри всё сжимается от подобных мыслей, а после развинчивается личными диалогами.

С течением времени я уже серьезно начал задумываться о её проблемах в собственных личностях. Слишком уж начинало различаться поведение её рядом и той кем она была за рамками моего присутствия. Раздвоение личности ? Я задавал прямо этот вопрос. Она отвечала отрицанием. И ведь вполне мог быть не прав. Ну не может же человек настолько… Подобное крайне сложно укладывается в голове.

05 Поклонник

Как-то приехал к Лене домой. Цель была увидеться среди недели и, как часто бывает, я поехал к ней. Всё те же 60 километров, которые я с удовольствием преодолевал слушая очередную книгу почти на максимальной скорости. Раньше я был ортодоксальным приверженцем зрительного чтения, но вот однажды меня просто посетила мысль — я не слушаю музыку от слова совсем, у меня часто дома включены дебаты, лекции и то что представляет собой поток информации. Я отлично воспринимаю её на слух. Попробовал аудио книги и понял что я их могу поглощать в огромном количестве по несколько в неделю. Вот так к среднему возрасту открываешь в себе что-то инновационное, что по факту всегда лежало на поверхности.

Четырнадцатое февраля уже осталось позади, но след от него всё ещё стоял в комнате. В углу, на полу, была ваза с тем самым букетом, который я подарил ей в этот день и не помещался на стол, учитывая что его нужно было на что-то опереть. Дети в это время были в школе или на секциях, её мама, если не ошибаюсь, уехала на Валаам. Мы что-то делали, разговаривали, приятно проводили время, вместе.

Потом Лена пошла в душ, а я остался в комнате. На диване лежал её телефон. И вот здесь я сделал то, что для меня самого всегда было почти недопустимым. Взял чужой теле-

фон и открыл его. Для меня это не мелочь, не бытовая проверка. Чужой телефон — это личное пространство человека, залезть туда означает проявить глубокое неуважение. Я это прекрасно понимал. Но к этому моменту доверие уже трещало так, что обычные правила начинали звучать почти издевательски. Мне не было любопытно. Не было желания порыться, поймать, уличить ради самого уличения. Мне подобное никогда не нужно, ибо человек сам должен определять свой путь. Мне нужна была правда, а именно её я у Лены уже неоднократно просил. Вежливо, тактично, строго. Любая, какая есть, но дающая возможность свободно вздохнуть, Правда.

Код я знал. Ровно как и куда стоит смотреть. И одним из первых контактов там оказался человек по имени Антон. На фотографии мужчина достаточно плотного телосложения, брюнет, в очках. Выглядел неплохо, даже с некоторой интеллигентностью, которую очки часто добавляют людям почти автоматически. Но главное было не в нём, а в её с ним переписке. Там оказалось фото букета, который я подарил Лене на четырнадцатое февраля. Тот который как раз стоял как прекрасное отражение моего к ней отношения.

Букет был действительно хорош. Даже сейчас могу сделать реверанс самому себе. Я редко относился к цветам как к формальности, а этот букет собирался особенно тщательно. Флорист делала его по моему пожеланию, и получился такой будет на который оборачивались совершенно все из

большой очереди за своим букетом. Высокий, выразительный, с каким-то необычным, даже экзотическим растением по центру, с крупными, ещё не раскрывшимися вытянутыми цветками, вокруг которых пышно собирались другие живые, красивые, яркие цветы. Он выглядел как ствол, из которого распускается жизнь. Возможно, один из самых удачных букетов, которые я когда-либо дарил женщине. Такие цветы Лене никто не дарил. И, думаю, уже не подарит. И вот в её переписке этот букет был подписан совершенно потрясающе — «От поклонников».

Вот так я моментально перешёл в статус поклонника, когда она уже была моей невестой. Ощущение как от восторга, только наоборот, непередаваемое. С каким-то Антоном мой букет превращался в подарок от поклонников. Не от её мужчины, не от человека, которого она выбрала рядом с собой, а от поклонников. Во множественном числе. В каком-то странном, почти театральном статусе человека из внешнего круга. Просто восхитительно.

Я мог бы многое понять, окажись рядом с ней слабый, неуверенный, мужчина, которого можно постесняться назвать своим. Но всё было ровно наоборот. Я никогда не был человеком, которому требовалось доказывать свою мужскую состоятельность наглостью, доминированием, громким голосом или попыткой выглядеть сильнее. Моя уверенность всегда была спокойной. Внутренней. Рядом с Леной находился именно мужчина, на чьё достоинство можно смело

опереться, и, как она всегда делала, с гордостью стоять рядом, крепко держа за руку. И всё равно — поклонник. Этот диссонанс я просто не мог осознать. Когда она вышла из душа, я посмотрел на неё уже иначе. Достаточно презрительно, заслуженно. Озвучил, что поклоннику пора домой, и ушёл. Это был явный нож в спину. И он оставил глубокий, уже второй, след рядом с глубочайшим шрамом, прямо рядом.

Позже она пыталась объясниться, конечно. Но главное что я видел — у неё реально существовали либо проблемы с восприятием мужского внимания и попытка его максимально привлечь, даже не осознавая истинную цену своих действий. Либо проблема была куда глубже, чем я мог сейчас осознать. -Я твоя, я только твоя. Как и прежде говорила она столь искренне и проницательно, что я не видел в этом подвоха и даже малейшей попытки обмана. Она была именно той кем была в тот момент.

Самого же Антона она охарактеризовала как человека из своего прошлого. Не совсем с нормальной психикой, некой травмой, которая сказывается на нём по сей день. Интересно мне было это ? Нет. Никакие Антоны мне не были интересны. Меня волновало именно её позиционирование себя в обществе мужчин. Меня волновала она. Я просто продолжал жить в этой глухой боли глубочайшего непонимания того что происходит. После этого случая я стал просто наблюдателем. Чтобы с ней не происходило, это было предательство. Осознанный выбор. Кто предал раз, предаст и снова. Никогда не

думал, учитывая моё видение мира, что придётся подобное проверять на себе.

Только никому, кроме меня, не был ведом тот космос, который связывал меня с этим человеком. И это по прежнему не была какая-то унылая, затмевающая глаза любовь. Я внутренне знал, что не имел права просто махнуть рукой и уйти в закат. Хотя подобного терпеть я даже и в мыслях не мог. А Лена кажется даже не понимала всей глубины моей за неё ответственности. Хотя я сам понятия не имел, в чём именно она заключается.

По пути домой мне некому было адресовать свои вопросы, кроме как к Богу. И вопрос был простой, обращённый внутрь себя — а не охренел ли ты товарищ, предоставлять мне такие вот подлые подарки в этой жизни, и что ты всё же от меня хочешь ? А в ответ лишь смятение и туман в который я всё глубже погружался.

06 Улыбка невежества

Весь этот период мне уже напоминал какую-то постановку, где ничего не понятно, вроде бы даже интересно и одновременно хочется убежать на антракте, но сидишь из уважения к актерам. На одну такую мы как раз сходили, делясь своим мнением за обедом после неё, и между делом Лена предлагает познакомиться с одним из участников её любимых чатов или форумов в которых она продолжает сидеть, общаться. Рассказала что он взрослый, примерно нашего возраста. Человек, вежливый, воспитанный. По её словам, с ним можно было спокойно говорить и он вёл себя в рамках приличия, чем отличался от некоторых залётных участников чата, которые там быстро появлялись и быстро исчезали.

Почему бы и нет. Когда-то я вводил Лену в пространство своих интересов, знакомил с людьми, вёл туда, где мне самому было важно оказаться, и если теперь у неё появлялся человек из её круга общения, пусть даже достаточно специфического, я не видел причины заранее закрывать перед этим дверь. Если человек интересный, достойный, умеющий держать рамки, то встретиться и пообщаться втроём вполне можно. В этом была скорее обычная логика отношений, где каждый привносит в общее пространство что-то своё. Я привнёс в её жизнь много своего. Теперь она привносила человека из той области, где сама пыталась что-то понять, сфор-

мулировать и, возможно, найти новый способ проявления.

Мы встретились на фудкорте в торговом центре недалеко от её дома. Небольшая седина в волосах придавала облику некоторую интеллигентность, по крайней мере внешне. Он постоянно улыбался, но довольно быстро эта улыбка начала восприниматься не как радушие, а как элемент мимики. Такая привычная маска, которой человек прикрывает внутреннюю скованность. Не могу сказать, что он произвёл сразу плохое впечатление. Наоборот, внешне всё было достаточно спокойно. Разговаривал ровно, о своей жизни говорил без лишнего напряжения. Рассказал что его жену тоже зовут Лена. И она по девочкам. Что она также состоит в клубе по интересам.

Что означает «по девочкам» вполне вроде бы очевидно, но мне показалось что это скорее какой-то их внутренний юмор, смысла которого я и не пытался понять. А чем дольше я смотрел, тем яснее чувствовал, что за этой постоянной, слегка нервной улыбкой есть глубокая неуверенность, ведомая, а может и не ведомая, лишь ему самому.

Само общение было недолгим, но мне хватило, чтобы составить первое впечатление. Он действительно мог казаться комфортным человеком для разговора. Спокойный, внешне устроенный, без явной грубости и самохвальства. Но в таких историях важны вовсе не общие впечатления, а мелкая моторика, еле заметные повороты головы и ужимки плечей, какой взгляд и морщинки у глаз при высказывании тех или

иных мыслей, и, что бывает важнее, их тональность, а так же очень много другое, что само даёт о себе знать, и в это нет смысла даже вглядываться. Именно в них человек чаще всего и показывает, какой он. И вот здесь Алекс с самого начала повёл себя так, что я внутренне поставил для себя отметку, сделав первоначальные и достаточные выводы.

При встрече он обнял Лену и поцеловал её, я б сказал немного вольно. Вроде бы жест приветствия, учитывая их длительное общение, вроде бы ничего такого, если смотреть с самой ленивой позиции. Но рядом стоял её мужчина. И человек, который впервые приходит к нам обязан чувствовать где его жест остаётся дружеским, а где становится уже демонстрацией. В нём было что-то слегка вульгарное, переходящее через тонкую границу, которую воспитанный человек должен улавливать без инструкции.

Однако именно реакция женщины должна ставить рамки. Не моя, именно её. Самостоятельно. Без единого намёка, взгляда, подсказки. Аккуратно, возможно игриво, возможно шуткой, но всё же продемонстрировав своё на это разграничение. Лена на это никак не отреагировала. Совершенно никак не дала понять, что рядом с ней её человек. Возможно, она и сама не придала этому значения. Возможно, решила, что в этом нет ничего особенного. Но для меня как раз в этом и заключалась проблема. Если женщина не видит, где чужой мужчина при её избраннике позволяет себе лишнее, пусть даже и еле заметное, то она либо действительно не понимает

границ, либо прекрасно понимает, но ей удобно делать вид, что ничего не произошло.

Помню я ухмыльнулся, наблюдая очередное невежество. Одно последовало за другим. Но внутри подобные вещи не проходят мимо. Они складываются. Один жест, одна фраза, одно отсутствие реакции. Сами по себе они могут выглядеть почти ничем. Вместе начинают создавать узнаваемый узор, складывающий общую картину. Я видел перед собой человека, который хотел войти в наш круг общения, через её интерес, через её доверие, но уже первым действием показал, что чужая граница для него не так уж очевидна.

Удивительно, но это был уже не первый случай, когда человек, со стороны Лены, приглашённый как гость, с проявлением к нему радушия, начинал с неуважения. Для меня это и тогда, и сейчас остаётся искренней загадкой. В чём логика людей, если к тебе отнеслись открыто, спокойно, как к равному, а ты первым же жестом показываешь какое-то превосходство ? Ты правда так уверен в том что оно имеет место быть ? Просто зачем. Вопрос в пустоту, которая вероятно и является тем на что им никак не удаётся опереться внутри себя.

Тогда я ещё многого не понимал. Время, как обычно, расставит всё по местам. А пока я лишь наблюдал за тем как в моей жизни всё больше проявляется концентрация людей столь невежественных в понимании казалось бы простых и очевидных как суть, вещей.

07 Недруг

Как интересно устроено у людей ощущение себя в социуме. Человек входит в новый круг и первым делом будто начинает искать своё положение в негласной иерархии. Простого присутствия разве мало ? Нужно ещё проверить, какое место он может занять среди других и насколько далеко ему позволят зайти. Жестом, фразой, интонацией, едва ли не при каждом общении. Будто где-то внутри просыпается древняя потребность обозначить себя сильнее, выше, заметнее. Животный механизм, не более того. Является ли это правилом этого мира ? Смотря кем вы себя считаете. Для человека это не более чем выбор.

Вспоминалась одна история, которую Лена мне рассказывала. У неё была коллега, женщина замужняя, и в её жизни присутствовал очень состоятельный мужчина, друг. Из тех, кто может на выходные сорваться куда-нибудь во Францию на Лазурный берег, просто потому что захотелось и есть возможность.

И вот этот персонаж, с позволения сказать, имел крайне мерзкую особенность. Он позволял себе вступать в связь с женщинами своих друзей. Причём не где-то в абстрактной среде случайных знакомств, а именно там, где уже существует доверие, долгая дружба, общая компания, знакомство семей. Хобби у него такое было. Муж этой коллеги как раз хо-

рошо дружил с этим человеком. Что-то вроде лучшего друга даже.

После начала этого рассказа внутри пылало негодование. Насколько гнилым внутри должен быть мужчина, чтобы специально за спинами своих друзей так поступать. Это что надо в жизни пережить, чтобы таким стать ? Каково внутреннее устройство этого человека ? Про то, есть ли в нём вообще понимание мужского достоинства, уважения к другому, да и к женщине, которую он втягивает в предательство, вопросов не возникает. А вот к женщинам его друзей возникает много неприятных вопросов. И вся эта компания в лице пяти друзей, как я понял со слов Лены, даже не знает о произошедшем.

И тут очередная мысль — что с тобой, Лена, не так, раз вокруг тебя такая концентрация подобных людей, историй, которые ты мне пишешь, опосредованных знакомых. Почему ты оказываешься в эпицентре подобного ? А может, речь не о коллеге, а о тебе самой ? Может, глупо, но подобный ход мыслей реально присутствовал.

А этот друг коллеги, вероятно, спать не может, чтобы не показать, что он способен самоутверждаться через чужое доверие. Доказать себе и той, к кому он идёт с подобным предложением, что он не один настолько гнилой внутри, а ты такая же. И ведь самый простой щелчок по носу, проявлением своего личного достоинства, может ударить этого человека больнее всего… После моего высказывания о том, как по-

добного человека можно легко проучить, в ответ я услышал:

— С ним переспать и больше не давать. Я бы так наказала.

Мерзость от услышанного моментально прошлась рябью по телу. Как много дурости, поверхностного мышления и всепоглощающей глупости… могло бы быть в сказанном, если бы я не знал её настолько хорошо. Если бы не представлял, насколько она умна и как редко кидает слова на ветер. Она истинная интеллектуалка, и я понимал, что вся эта история или её финальная фраза есть ничто иное, как желание что-то сказать, либо уколоть булавкой поглубже. Но опять, зачем ? Вновь происходящее рядом с ней оставляло лишь вопросы и недосказанность, которая совершенно не спешила развеиваться.

08 Протеже

Я могу смело назвать себя бездельником. В привычном смысле не работаю, а чем занимаюсь, окружающим непонятно. Даже близким. Мне даже сложно ответить людям, кто я. Я просто этого не знаю. Знаю какой я. Это важнее.

По какому принципу определяется, кто вы есть ? Профессия ? У меня нет её. Не работаю ? Да нет, работаю. А чем занимаешься ? Живу, вижу, осознаю. Но разве это будет понятным ответом ? А ведь он вполне исчерпывающий. А вот наслаждаться жизнью не умею. Многие ведь ради этого и работают, чтобы потом пожить в удовольствие, каким они его видят. К примеру, на выходных. Веселье как таковое мне искренне неясно — от этого далёк. Оно искусственно. В нём нет обыкновенной радости. И мне никогда не казалось, что я чего-то упускаю. Скорее игнорирую то, что не очень понятно. И вместо весёлого проживания жизни просто внимателен ко многому вокруг. Вижу, по-своему понимаю. В этом и радость. А если что-то выходит за рамки внимания, значит, оно не важно, бесполезно, не интересно, ну либо у меня в одно ухо влетело, из другого вылетело. Это тоже нормально. А «внимание» тут самое ключевое. Им и живу. Совершенно в каждый момент своей жизни я к ней не просто внимателен, а рассматриваю под микроскопом своего внутреннего восприятия. Для меня вся жизнь — это работа, к которой я

отношусь весьма ответственно. Не к жизни, а к работе. Без выходных и отпуска. А каждая поездка куда-либо — это целый пласт материала, как и каждый человек, что встречается мне на пути. И каждый не случаен. Так мне видится.

Занимаясь тем, что интересно, периодически брался за письмо. Не для публикации, для себя, нас. Подчеркнуть какие-то доводы. На бумаге или тыкая в экран. Часть из этого сохранилась — в основном то, что писалось в телефоне по дороге куда-либо или сидя на домашнем балконе. Основной темой заметок с некоторых пор стал Запад как единое цивилизационное явление. Именно с момента начала путешествий и первых впечатлений от людей Запада. В нём что-то было не так. И я даже мог перечислить, что конкретно, как и многие, кто понимал аспекты его деятельности, задумывался об этом, говорил. Но меня волновали не формулировки, а именно суть, которая, если и озвучивалась, то скорее деятелями философского толка или священнослужителями. Зачастую именно они имели понимание, которое лежит полностью на поверхности, как и сам Запад. И этого понимания для моей работы было достаточно.

Однажды Лена задала очевидный вопрос — не хотел ли я публичности ? И получила простой на него ответ — мне это не нужно. Свобода ближе

Вот и Лена, помимо всей неразберихи, которую я просто наблюдал, давала мне дополнительные стимулы к тому, чтобы помочь проявиться ей. В том, что она видит в себе, ка-

кой она видит себя, как сама это доносит. И был у неё очень живой интерес, помимо того самого, к политико-общественно-мировоззренческим вопросам. И ведь что мешает их совместить ? Из неё и общественно-политический деятель вышел бы замечательный, для начала. Особый, с мудрым, как мне виделось, воззрением, доносящий смыслы такими, какими они будут понятны людям и всему обществу, формулируя именно то, что другие чувствуют, но не играя с этим, а оправдывая чаяния людей. И не скажу, что она была пассивна в этом ракурсе. Высказывала интересные мысли, которые я мог разобрать и объяснить, как направить мысль так, чтобы она была не просто качественной, а простой, но о главном, значительно более понятной внутренне для людей, не головой, но сердцем. Ведь люди гораздо охотнее слушают тех, кто говорит о простом простыми словами, а о сложном с искренностью. Был бы интерес Лены к этому в движении, а не лишь в словесной заинтересованности. Повсеместно снимали видео с ней, разные. Она с интересом рассказывала о выбранном нами общественно-смысловом вопросе. Получалось так себе, но она казалась заинтересованной. Хотя этот интерес угасал тут же, как дело касалось самостоятельности. Мне это напоминало моего друга Никиту. Он горит глазами, готов действовать, но только тогда, когда вокруг него создадут всю инфраструктуру.

Но даже без всего этого наше общение далеко не ограничивалось какими-то бытовыми темами и личным взаимодей-

ствием. Нам было интересно вместе. Как и прежде, смотрели и размышляли практически в одном направлении.

Оставалась лишь одна, по сей день неясная мне проблема — закрытый источник. Временами я ощущал себя тупым в тени себя самого, былого. Говорил с ней лишь по верхам, не в состоянии доходить до корней в любом из обсуждений. Меня уже беспокоил даже не сам факт, а интересовала его механика. Вероятно, в привычной для себя манере смотреть на любое проявление, где важно не Что, а Как.

09 А ты библию пиши

Где-то в начале я описывал своё отношение к женщинам. Чуткое, внимательное, уважительное. Именно то самое мужское отношение, которое должно, на мой взгляд, присутствовать. Одновременно с тем я ожидаю подобного отношения к себе. Не требую, а именно ожидаю. И даже не в ответ, а по своему внутреннему разумению. Это всегда односторонний акт, который должен сливаться во взаимное отношение друг к другу. Пожалуй, поэтому я никогда не бегал за женщинами и не добивался их. Это иной односторонний акт, который подразумевает ответ, а не взаимное притяжение. Внимание ? Да, безусловно. Проявление интереса ? Конечно, женщина ведь мне интересна. Взаимность ? Без неё тем более никак. Женщина может вести себя по-разному, ввиду воспитания и тех социальных норм, в которых она росла, но принимать внимание того, кто ей не интересен, — значит проявлять к человеку снисхождение. Проще говоря, держать его за полезного идиота или просто, по своему неразумению, обманывать. Если мужчину подобное устраивает, значит, где-то по дороге своей жизни растерялось уважение к себе.

И то, что происходило в моих взаимоотношениях с Леной, я уже воспринимал как момент процесса перехода границы. Мне нужна была ясность. Чёткая, понятная. Любая. И с ней было поистине сложно. Как и прежде, мы никогда не руга-

лись. Просто ни разу. Я спокойно смотрел на неё, разъяснял необходимость объясниться. Без лекций, нотаций и подобного. Не вижу надобности давить на кого-то. Она свободный человек, как и я. У каждого есть право делать свой выбор. Но нельзя, ни в коем случае нельзя держать человека в неведении, лишая этого выбора. Мне для этого нужна была правда. Самая обыкновенная правда. И не важно какая, ибо даёт она ясность и свободу определения. Это она от меня и слышала. И в целом говорила. Правду.

В одном из редких случаев, если смотреть на общий фон наших очень близких и тёплых взаимоотношений, моё желание получить расшифровку дало о себе знать. Мог сказать грубо, но не переходя границ. И тогда были моменты, когда в переписке появлялось нечто чужеродное. Фразы или закладываемый в них подтекст выбивались из того, что она могла бы написать в ответ. С другой интонацией, с каким-то иным сторонним отношением ко мне. И одной из таких фраз стало: «А ты Библию пиши».

Предыдущий контекст здесь не так важен. Важнее то, что сама фраза заметно вырывалась из него. Уже в конце этого диалога, когда каждый остался при своём, точнее, я ни с чем, а она при своём. Я смотрел на эту фразу и не мог отделаться от ощущения, что написана она будто кем-то другим. Со своими мыслями, своим отношением ко мне и к тому, о чём мы с Леной вообще говорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.